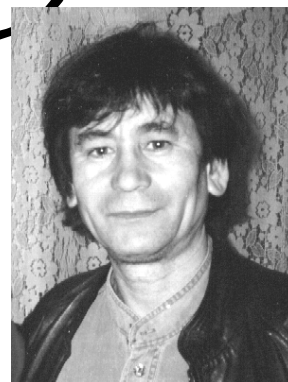

№ 7

Январь 1999 Г.

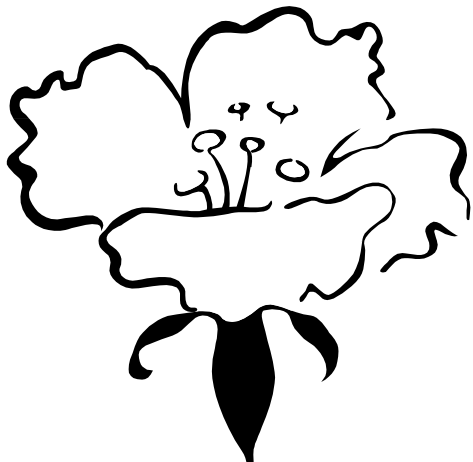

УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

Алексей МИЛЬКОВ
АППАССИОНАТА И КИНО

(Научно-фантастическая повесть)

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей МИЛЬКОВ

АППАССИОНАТА И КИНО (НФ повесть)

(Комментарий Игоря Терновского)

1 стр.

Глава 1 КИНО — ОДИН

4 стр.

Глава 2 КИНО — ДВА

9 стр.

Глава 3 КИНО — ТРИ

15 стр.

Глава 4 КИНО — ЧЕТЫРЕ

20 стр.

Глава 5 КИНО — ПЯТЬ

24 стр.

Точка зрения

Алексей МИЛЬКОВ

1993 г. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ
г.УХТЫ И ЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЖУРАВЛЕВУ А. К.

32 стр.

ПЕРСОНАЛИИ

34 стр.

Литературно-критический журнал “Ухта литературная”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков тел. 1-74-91
Игорь Терновский 6-12-46

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 20-Е ГОДЫ ВПОЛНЕ ЛЕГАЛЬНО СУЩЕСТВОВАЛО ДВИЖЕНИЕ “ДОЛОЙ СТЫД”.

Я бы отнес повесть “Аппассионата и кино” к жанру антиутопии, хотя по форме построения сюжета она очень напоминает драму Островского “Гроза”. В финале повести героиня не бросилась как Катерина в омут, но весьма оригинально выразила свой протест обществу. Жанр антиутопии достаточно древний, самым близким припоминается Свифт, который сатирически и гротескно представил современную ему действительность. Гораздо позже Уэллс изобразил деградирующее общество в “Машине времени”. Еще ближе к нам Брэдбери с “451 градус по Фаренгейту”. Это температура, при которой горит бумага. Здесь законодательно были запрещены книги, которые при обнаружении немедленно сжигались, а лица, ими пользующиеся, считались преступниками. Запрет на книги, а в реальной жизни запрет, например, на спиртное. Так было в США и у нас, а также в ряде других стран, но к желаемому результату не привело, что лишний раз свидетельствует о тщетности запретов. В данном произведении описано общество, в котором запрещено носить одежду. Почему-то автор счел это допущение возможным, хотя оно противоречит общечеловеческим законам и обычаям. Нудизму особенно никто никогда не препятствовал. Даже в Советском Союзе в 20-е годы вполне легально существовало движение “Долой стыд”.

Его приверженцы старались всюду быть в натуральном виде без одежды. И сейчас в мире нудизм довольно распространен без особых запретов, разве что с соблюдением законов общественной нравственности. Но если в экваториальной зоне можно круглый год ходить обнаженным, что и делают без всякой идеологии аборигены, то в остальных местах нашей планеты по климатическим условиям надо одеваться, не говоря уже о гигиене. Поэтому умозрительные построения автора выглядят немотивированными. И если даже изображаемые картины принять за психоаналитические образы, “проецируемые киноустановкой” в мозг героини, то все равно возникает вопрос, откуда такие образы у человека из нормального мира? Например, совершенно отталкивает физиологически собирание по-та молодым человеком с голого тела героини.

Но автор хитро обошел эти замечания: его героиня попадает в своеобразный и неповторимый, полный неожиданностей мир кино.

Как, впрочем, не надо забывать, что это фантастика, а фантастика разрешает всё при условии нарушения литературных законов жанра, и в фантастике подход к реалиям другой, и задачи фантастики находить необычное в обычной жизни.

А с этим автор справился.

Алексей МИЛЬКОВ

АППАССИОНАТА И КИНО

(научно-фантастическая повесть)

ЭПИГРАФ

Познание мира идет через кино.

Андрон Михалков-Кончаловский

ЭПИГРАФ

К КАЖДОМУ ПОДБИРАТЬ ОТМЫЧКУ. В этом искусство управлять людьми. Для него нужна не отвага, а сноровка, умение найти подход к человеку. У каждого своя страстишка – они разные, ибо различны природные склонности. Все люди – идолопоклонники: кумир одних – почести, других – корысть, а большинства – наслаждение. Штука в том, чтобы угадать, какой у кого идол, а затем применить надлежащее средство, ключ к страстям ближнего. Ищи перводвижитель: не всегда он возвышенный, чаще низменный, ибо людей порочных больше, чем порядочных. Надо застать натуру врасплох, нащупать уязвимое место и двинуть в атаку ту самую страстишку – победа над своей натурой тогда обеспечена.

Бальтасар Грасиан

(карманный ОРАКУЛ или наука благоразумия)

* * *

День был насыщенный, вкрадчивый, тихий, в коридоре пахло стойким прохладным спокойствием, если только по полу не шаркнет обувью пришедший раньше назначенного времени очередной зритель. Школьница с короткими косичками в гимназической форме: коричне-

вая юбка и белый фартук остановилась напротив рекламной вывески “Чудо – кино”.

– Девушка, вы следующая? – выглянул за дверь изобретатель Напортов.

Он показал на кресло напротив, и она, еще раз посмотрев на вывеску “Чудо – кино”, вошла застенчиво, но

мимо него прошла уже уверенней и села, выложив на колени справки.

– Фамилия, имя, отчество? – начал спрашивать он.

– Дарья Евгеньевна Баторина.

– Возраст?

– 16 лет.

– С получением паспорта самое время определить жизненное направление и выбрать профессию, – заметил сидящий за столом у окна писатель Шульгин.

– Гимназия? – продолжил расспрос Напортов. Он сидел за клавиатурой и, как у пианиста, металась его пальцы.

– Двадцать третья.

– Класс?

– Десятый.

– Профессиональная ориентация?

– Никакой.

– Вот тебе и современная гимназия! – снова заметил писатель. – Все на откуп самого человека.

– Успеваемость?

– Хор и отл.

– Какие отношения с родителями?

Вопрос был слишком личный и не простой, и Дарья через силу, после едва заметной запинки призналась, словно что-то украла:

– Хор... хорошие.

– О, как прекрасно, полная любовь и взаимопонимание! – не удержался от эмоций Напортов. – Пример для подражания!

– И кем бы вы хотели стать? – пригладил свои волосы назад Шульгин.

Дарья пожала плечами.

– Если бы я знала, не обращалась бы за рекомендациями специалистов. Только они определяют возможности и индивидуальность.

– Ну, а все же, не может человек о чем-то не мечтать, например, о будущем?

– И о своем месте в нем, – добавил Напортов.

Дарья снова пожала плечами.

– Может профессия врача?.. Не знаю, не уверена – получится ли?

Писатель посмотрел на девушку в упор.

– Даша, вы – авантюристка?

– Нет.

– Искательница приключений?

– Немного есть, как, вероятно, у всякого нормального человека.

– И чем же вас не удовлетворяет современное кино?

– Жители нашего города обратили внимание на красочную рекламу: яркий, динамичный, музыкальный ролик, а я прочитала вашу статью о “чудо – кино” и загорелась немедленно посмотреть. Как я поняла, разительное отличие! Обычное – какое-то пресное, избитое, идет извне, а ваше – прямо изнутри.

– Это стало возможным только благодаря симбиозу двух творческих мышлений: идея и постановка принадлежит писателю, задающему сюжеты, а разработка и сопровождение – изобретателю, сумевшего найти способ закладывать их в программы, а далее воплощение замысла происходит на этой установке, которую мы назвали просто, не мудрствуя лукаво – “киноустановка”. Как видите, это название мы сохранили, посчитав, что оно не устарело и сегодня. Остальное, как везде: учет множест-

ва факторов личного порядка, упор на индивидуальность, как-то: характеры, вкусы, привычки.

– А почему вы много спрашиваете? И эти совсем не значащие вопросы...

– Проверка на противопоказания. У человека всегда есть аллергия на некоторые неприятные ассоциации, запретные темы неудобные ему, и наша задача обойти их в фильме стороной.

– Зачем? У меня нет противопоказаний, я могу смотреть всё подряд и сутками напролет, – призналась Дарья.

– Не имеем права сомневаться в силу вашей всеядности и молодого гиперактивного возраста, – заметил Напортов.

– Как же, а если вдруг появятся мыши? – воскликнул Шульгин. – Вы их разве не боитесь?

Дарья деловито ответила:

– У меня дома крыса Брунфильда в клетке живёт. Со всем ручная. Я целуюсь с ней и кормлю её с ладони.

Шульгин высказал маленькое разъяснение:

– Всё бы хорошо, но гарантии нет, что вы получите нужное кино, – человек многопланов и настолько сложная натура, что это не всегда удается.

– “Не всегда удается получить нужное кино” – выражение не для нашего кино! – сделал громкое заявление Напортов. – Даша, к вашему и нашему счастью здесь нет противоречия, парадокс сказался с неожиданной стороны – надо ли этого добиваться? Выявилась интересная закономерность, что большинству зрителей нравятся именно такие фильмы, которые не просто щекочут нервы, а не позволяют в экстремальных ситуациях быть размазней, слонтяем. Это проверка себя, проявление мужества, а остальные, которым не дано, слабые характером, пишут жалобы на нас и...

– Я могу дать подписку, что не буду в претензии к содержанию фильма. И родителям не расскажу.

– Есть одна опасность. Это не примитивный просмотр для ленивых людей, не прогулка по ровной аллее. А если с вами что-нибудь случится, ведь наше кино только для нормальной здоровой психики?

– У меня все справки в порядке: медицинское освидетельствование и о психической уравновешенности тоже.

– А если психика молодая, ранимая?

– Я слышала, ничего такого у вас пока со зрителями не произошло и у вас лицензия.

– Ну что ж, Дарья, как говорится, поймали на слове, нам нравится ваша смелость и желание получать эмоции, не только положительные. К счастью, безопасность гарантируется полная, срабатывает защита в случае, когда возбуждение зрителя достигает предельного значения, и он может войти в реактивное состояние. Тогда киноустановка сама на время уводит зрителя от опасного эпизода. Например, в нужный момент предотвращает драку, когда эмоции настолько перехлестывают героев, что они хватаются за кулаки. Занесенный кулак в таком случае играет роль миротворца и начинает гладить голову своему сопернику.

– А если зритель захочет встать и уйти – неинтересно?

– У нас такого прецедента не было. В обычном фильме наивысшее сопереживание приходится на некоторые редкие эпизоды, как на феерические голы в футболе. Трудно их дожидаться. И все зрители находятся в предвкушении, в постоянном томлении, не всегда способные оправдать их надежды. Тогда сценарист и режиссер де-

лают ставку на неожиданную ударную концовку. Приёмов много, чтобы затаячить зрителя на сеанс. Но даже хитрые уловки не всегда срабатывают, и даже раздача бесплатного мороженого не увеличивает число зрителей. Мы же не позволяем им расслабляться и пребывать в спокойном созерцательном состоянии ни на секунду. Постоянный прессинг живого участия, иначе нас не поймут, нас не оценят.

– Вот мне такое кино и надо.

– И что же вам продемонстрировать: крутой детектив, комедию, боевик, путешествие в фантастическую страну?

– Нет, что-нибудь особенное, пооригинальнее.

– Эзотерическое?

– Я не верю в гороскопы.

– Ужастик?

– Только не это.

– Ну, например?..

Девушка вся зарделась.

– Про любовь... можно?

– Пожалуйста! Только здесь вы почему-то не оригинальны.

– И даже с этой... самой... эротикой? – с надеждой спросила она.

– Как скажете.

– Ну, мне не совсем... Я просто спросила... Но так, чтобы...

– ...Она присутствовала, – подбодрил Дарью Напортов и сделал, как ребенку, большие глаза. – Мы можем всё, что позволит себе сфантазировать писатель – инженер человеческих душ.

– И так... как мы поняли... – Шульгин внимательно смотрел на девушку, – перед нами поставлены следующие условия, которые должны неукоснительно выполняться: первое – любовь, второе – присутствие эротики?

– Да, – подтвердила девушка, – моё пожелание.

– Ну, а необычные ситуации, острые ощущения – само собой разумеющееся. Мы гарантируем всё это, – Напортов довольно потёр руками.

Шульгин поднял свои густые брови.

– Итак, Дарья, вы подумали, взвесили все “за и против” и готовы?

– Да.

– И вас ничего не остановит?

– Нет.

– И даже много-много эротики?

– Нет.

– Вот что такое – молодость! – воскликнул Напортов. – Смелость и бесшабашность города берут!

– Даже сплошной... даже самой крутой эротики? – продолжил расспрос Шульгин.

– Что вы всё пугаете?

– Ну, тогда... мы ничего не имеем против.

Ритмично зашуршал диск, встроенный в чреве устройства, похожего на обычную фанерованную коробку

белого цвета. Чем больше оно загружалось, тратя энергию, тем сильнее обдувались криогеном его “мозги”. Иногда мелкой дрожью прокатывались щелчки – переходы от одного режима к другому, от чего Дарья вздрагивала всем телом и никак не могла сосредоточиться.

– А вот это уже необязательно! – сказал писатель Шульгин. – Расслабьтесь, и скажите ваше любимое имя, которое вы хотели бы носить, если бы не ваши противные родители, назвав вас Дашей. Не всем, кстати, нравятся свое собственное имя.

Девушка призадумалась и сказала:

– Аппассионата...

– Почему Аппассионата? Лучше продолжить следующую логический ряд: Даша – Дарья – Джульетта – Джоконда – Дульсиня.

– Не знаю почему, но это слово мне настолько врезалось в голову, когда я впервые его услышала.

– Хорошо, под этим файл-именем мы вас и назовем – Аппассионата.

Сидящий за монитором изобретатель Напортов, на клавиатуре набрал искомое, и возникшая в телевизионном объеме первая картинка изображения Даши как бы подмигнула и улыбнулась ему, как старому знакомому.

– Расслабьтесь. Еще больше! Вы сейчас будете в ином временном континууме: не в будущем, не в настоящем, не в прошлом, а в призрачном мире полудремы-полусознания, где реальность столкнется с грезами, будет походить на грезы, а грезы не отделишь от реальности.

Появившийся из киноустановки пучок света стал надвигаться на Дарью и ловить ее глаза. Она попыталась отодвинуться от него, но пятно догнало и заглянуло ей прямо в зрачки. Она снова предприняла попытку уйти, и снова пятно цепко настигло ее и стало давить и прижимать к креслу, затем сгустились сумерки и падение в пустоту, как стремительное скольжение лифта вниз.

– Реакция на адекватность? – запросил писатель.

– Полная.

– Избирательность индивидуума?

– Среднедостаточная.

– Активация воображения?

– Приближается к черте равновесия.

– Эмиссия?

– Норма.

– Свет?

– Перешел порог восприятия, уже подавлена темнота на семьдесят процентов.

Шульгин приподнял руку.

– Попутно мы проверим на практике некоторые новые идеи. Действие первое: “Аппассионата и родители”.

– Картинка пошла, – сказал Напортов.

Это означало, что новоявленная Аппассионата, полностью сконцентрировавшая внимание, начала воспринимать кино.

Глава 1 КИНО – ПЕРВОЕ

С вечера всё было приготовлено и в воскресенье мама, папа и Аппассионата отправились, по обыкновению, на пикник на природу. В багажнике автомобиля лежала

снедь, два больших термоса с кофе и ракетки для бадминтона.

Отец держал сто двадцать километров, и Аппассионата ни разу не вскрикнула.

– Налево или направо? – спросил отец, подъезжая к развилке, асфальт которой отвечивал солнечными бликами. Он немного отвлекся от дороги, встретив взглядом неожиданно выступившую перед ними грандиозную скульптуру.

Аппассионата тоже засмотрелась на еле уместающихся в ее обзоре четырех граций.

– Еще недавно на этом месте ничего не было! – воскликнула она.

Мать тоже удивилась.

– Слышать слышала про эту высокую скульптурную группу с выбитой надписью. Только откуда монументу так быстро взяться?

– Привезли и поставили, – воодушевился отец. – А я всегда думал, почему на самом оживленном перекрестке при въезде в город пустует такое уникальное место? Я уж не помню, где бы не стояла монументальная скульптура, символизирующая мощь нашего государства?

– “Женщины-патриотки, срывающие с себя и топчущие ногами последние одежды”, – прочитала с расстановкой мать.

Отец прокомментировал:

– Насколько я понимаю, каждая грация отождествляет решительным поступком свой темперамент: холерика, сангвника, флегматика и меланхолика.

Среди трех граций: унылой, дергающейся и просто бешеной Аппассионате понравилась четвертая, степенно, рассудочно, со знанием дела исполняющая динамику движений, о чем и призналась:

– Мне симпатична третья слева. Как мне хочется фигурой и характером быть похожей на нее!

– Олицетворяющей собой сангвника? О, какая у нее уравновешенная харизма! Молодец, дочка, выбор правильный! – поддержал ее отец. – Это поможет тебе в дальнейшей жизни.

– Сфотографируемся! – предложила Аппассионата.

– И как ты себя видишь на фоне подъема стопы? – спросила мать.

– Я могу на ней полежать, – ответила Аппассионата.

– Давай в другой раз, когда еще на вершок подрастешь! – Отец совершенно не шутил.

– Вечером будет темно.

Отец послушался и остановил машину.

– Конечно, из всех искусств самое высокое – это скульптура! – с воодушевлением сказала Аппассионата, взобравшись при помощи отца на постамент.

– Согласна! – поддержала ее мать. – И в прямом и в переносном смысле!

– Так кто куда желает? – еще раз повторил отец.

– Сегодня – направо, – сказала мать.

– А я – в горы! – пожелала Аппассионата.

По извилистой дороге они взобрались на вершину, так что автомобиль еле взял подъем; под днищем плавно зашуршала высокая трава, мотор издал последний чавкающий вздох, и стало необыкновенно тихо. Вокруг простиралась ровная зеленая лужайка.

Пока мать доставала всё необходимое из салона, отец с Аппассионатой взяли в руки ракетки. Игра состояла в том, чтобы не дать волану упасть на землю. Отец много не двигался, степенно направляя волан в сторону дочери. Она металась, как сумасшедшая, стремясь отразить удары. Через полчаса ей начало всё удаваться, тем не менее, она пожаловалась:

– Ноги уже еле слышатся, и почти не остается дыхания.

– Терпи, дочка! В этой жизни побеждает только упорство! – воодушевил отец.

Напоследок, отразив очень трудный волан, что сама удивилась, Аппассионата, как оказалось, послала его так эластично, сильно и точно, что отец от неожиданности не принял удар.

– Классный прием. Ты выиграла, – сказал уязвленный отец.

Мать дала сигнал к перерыву.

– Как Швейцарские Альпы! – гордо восхитился отец. – А какой изумительный отсюда вид на озеро с впадающей в него речкой. Посмотри, дочка. – Он подвел ее к краю пропасти.

– Только весь вид портят эти чумовые нахалы, что собрались внизу, – заворчала мать. – Оделись как попугаи во все пестрое – ни стыда, ни совести. Оккупировали территорию. Я за свою жизнь не надела ни одной тряпки. Папа это подтвердит, а я за него ручаюсь, что он тоже никакой одежды на себя никогда не напяливал. Соответственно, я не порвала ни одной нитки, ничего не протерла задним местом, не обносила до дыр. И ни какой мужчина не показывал на меня голую глумливо пальцем!

Аппассионата присмотрелась. Там, глубоко внизу, на берегу озера расположились какие-то люди.

– На таком внушительном расстоянии они кажутся копошащимися точками. Вот всё, что я вижу, – пожалала она плечами.

– А ты лучше приглядишься! – посоветовала мать.

Люди полностью овладели вниманием Аппассионаты и она сказала:

– В отличие от нашей компании, где вы, папа, мама, и я, в чем мать родила, те люди носят какие-то на себе одеяния, прикрывающие различные части тела. Женщины облачены точно в балахоны и кажутся с неестественно вульгарными короткими ножками, а мужчины, в наподобие таких же балахонах, слишком карикатурно толстые.

– Дочка, не слишком ли много увидела? – поморщился отец.

– Кто это? – поинтересовалась Аппассионата.

– Нудисты, кто же еще, нашли обиталище, забавляются выродки! Мы – голые, верны традициям предков, а нудисты начихали на всё – разделились, ходят расхристанные, как пугала! – в сердцах сплюнула мать, высокая женщина, с немного излишним весом, великоватой грудью, по форме напоминающую вытянутую каплю, срывающуюся с крыши. Внешне мягкая, женственная, но под этой оболочкой таилась гранитная твердь.

– А еще цивилизованными из себя строят... мерзавцы! Они жаждут крови, и они получают ее – свою собственную! А одежду всю сжечь! Сжечь! Сжечь! – Отец тоже кипел от ярости. Это был мужчина сорока лет с вьющимися волосами и холодными черными глазами, пронизывающими насквозь.

Мать принялась за свое ворчание.

– Аппассионата, неужто не помнишь, как мы тебе с папой в детстве сказки рассказывали: “Жили-были злые-презлые жестокие нудисты. Великаны, циклопы, кикиморы по сравнению с ними были мелкими, безобидными негодями. Папа-нудист ловил маленьких детей, не желавших слушаться, а мама-нудистка их аппетитно ела, похрустывая косточками, остатки которых затем зарыва-

ла в саду, отчего вырастали большие яблони и урожай яблок были всегда высокими”. Так это они и есть – злые, коварные, абсолютно безнравственные.

Перед Аппассионатой встали картины детства.

– Я помню, – голос ее задрожал, – как тряслась при одном только упоминании о нудистах, насильно заставлявших детей одеваться. Внутри подступал неприятный холодок, мороз бежал по коже.

– И ты сильнее прижималась ко мне с криком: “Мама, я боюсь!” – подтвердила мать.

– Должно быть, это ужасно! – сказала Аппассионата вдруг.

– Что ужасно? – поинтересовался отец.

– Жить вот так, в лесу, совсем одетыми. Как... дикари в перьях.

Мать окинула Аппассионату ледяным взглядом.

– Нашла кого жалеть!

– Они же одетые! – резко согласился отец.

– Разве так уж скверно ходить одетыми?

– Окстись, дочка, ты словно живешь в надуманном, нереальном, ложно нарисованном мире, задаешь такие несусветно глупые вопросы! – вразумила мать. – Разве можно что-либо более неприличное и непрактичное себе вообразить? Одежда? Она не имеет особого значения, чтобы сходить по ней с ума. Без еды нельзя – без одежды прожить можно!

– А то как же, – сказал отец, – во-первых, одежда стесняет движения. Во-вторых, с экономической точки зрения иметь одежду – сплошное расточительство. А в-третьих, нудисты идут вразрез с общественным мнением. Тебе не надо на это смотреть, дочка. – Отец отвел Аппассионату от пропасти, посадил в автомобиль и задраил боковые стекла.

– Я думаю, нам лучше уехать – настроение пропало, – сказала мать.

– Хорошо.

Отец завел свой “пикар”.

Совсем близко прошла молодая парочка. Аппассионата отметила, что оба выглядят импозантно. Мужчину обрамляла густая черная бородка, а все тело отличал бронзовый загар. Даже лысина не портила впечатления, хотя вообще-то Аппассионата терпеть не могла лысин. У женщины были густо покрашены ресницы. Она семенила мелкими шапками, а светлые длинные волосы с головы били ее по гладким бедрам и ветром задувались между ног. Аппассионата проследила за ними отсутствующим взглядом.

– Может, эти приятные толстяк и с виду порядочная, благопристойная дама в укромном месте тоже нудисты? – неожиданно спросила она.

– Откуда у тебя такие неприличные мысли? – изумился отец.

– Куда только катится мир? – вздохнула мать.

Спала Аппассионата в эту ночь отвратительно. Сон путанный, мельтешащий смутной неразберихой. Не то, чтоб ей на кушетке что-то мешало – нет, кушетка была достаточно широкой без излишеств; и она могла перекачиваться с одного бока на другой; и она, как обычно, легла сразу после холодного душа, положив голову на низкий валик и раскрепощенно раскинув ноги; и даже не постелила дерюжку, хотя в этот год ночи были необычайно прохладные. Спартанцы без всякой необходимости

спали на голой жесткой земле и спартанский образ жизни был в чести у ее народа и ко многому приучил. Снились ей раскаты грома и время от времени небо прорезали ослепительные молнии. При частых вспышках и пульсирующей смене темноты на свет, она видела тех людей-нудистов, двигавшихся словно в экстазе, импульсивно менявших позы. Какая-то девушка сняла с бедер белую тряпицу с выбитыми завитушками и помогла надеть ее Аппассионате, объяснив, как надо пользоваться. Аппассионата сгорала от стыда, а еще больше – от страха. Потрясающая, мягкая эластичная тряпица, от прикосновения которой млела! В жизни она такое блаженство никогда не испытывала. И оторвать глаз от нее было невозможно. От счастья она то снимала ее с себя, то ловко продевала сквозь ноги на бедра.

– Мечты твои сбываются-ются-ются! – нашептывала та девушка.

Зазвонил будильник, а Аппассионата не соображала со сна, где она и что с ней, но, наконец, до ее сознания медленно дошло – инородное тело. Она быстро, чтобы родители не заметили, сделала скидывающее тряпицу движение, но руки прошли через тряпицу, как сквозь пустоту, как будто ее на этом месте вовсе не было. Ошибки быть не должно, она только что облегла бедра. Где она? Аппассионата не поверила в обман, лежала лицом вниз, дав волю рыданиям. Но мало-помалу успокоилась, повернулась на спину и, задумавшись, усталилась в потолок. В гимназию идти совсем не хотелось.

Весь день, все шесть уроков Аппассионата томилась от предчувствия неизвестности, устремив свой взгляд во двор на скульптуру “Девочка, балансирующая на шаре”. Центр тяжести девочки явно не приходился на центр шара, и Аппассионате всё казалось, что девочка, вот-вот, упадет. Сосед по столу мальчик по имени Касандр упоенно рисовал на ее коже пикирующие самолетики, вздымал ракеты на пусковых установках, устроив целый импровизированный бой из шквала огня и металла. Он вел войну методично, со знанием дела, и шептал:

– Три... два... один... Пуск! Я – Двадцать Второй, накрыл цель, начинаю новую атаку.

Двадцать ракет были готовы вырваться из стартовых шахт, взмыть сквозь пелену кудрявого дыма в стратосферу и лечь на заданную траекторию. Половину он планировал сбить в небе, но остальные, как предполагалось, достигнут стратегических целей. Очередная ракета уже волочила за собой хвост адского пламени, и массивный огонь чернильными кляксами взрывов распространялся по всей спине и переметнулся на бедра, сползая на ягодицы.

Большинство мальчиков и девочек заморожено следили за тем, что произойдет дальше, не захлебнется ли атака раньше звонка. Но Аппассионата ничего не замечала, как не замечала, что пора уже идти домой. Ее поглотила неотвязная мысль.

Дома она нашла холщовый мешок, схоронилась в углу за шкафом, проделала дырки и надела на себя. Было совсем недурственно, как на тех женщинах-нудистках, но еще не до конца закончено. Костюмный ансамбль надо было доработать. Она отрезала низ и смастерила рукава. Стало короче до пояса, но, впрочем, удобнее и верхняя часть тела прикрыта. “От кого и для чего”, – мелькнула шальная мысль и пропала за ненужностью ответа. Она выключила свет и, как тень, прошмыгнула к зеркалу. Было не по сезону прохладно и сыро.

Вдруг кто-то постучал. Аппассионата испуганно выскользнула из мешка и попыталась скрыть следы преступления, но не успела.

Вошел соседский парень, студент, будущий инженер, консультирующийся у ее отца. Она включила большой свет и, стараясь глядеть прямо и не прятаться от его пронзительного взора, вышла из полумрака ближе в зону яркого освещения светильника. Но ее беспокойство, что он что-нибудь заметит, оказалось напрасным, потому что тот ничего не заметил, даже вдруг выступившие на минуту широкие красные пятна по ее телу, и даже не отвернулся.

“Наверное, он воспитанный, благородных манер и привык иметь дело со скромными, порядочными девушками”, – подумала она.

Студент продолжал разглядывать ее, почему-то медлил, не спрашивал и не уходил.

“Очень тактичный, – отметила для себя Аппассионата. – И очень корректный”.

В напряженном молчании они скоблили глазами друг друга.

– Аппассионата, отец дома? – наконец прервал он паузу.

– Будет вот-вот.

– Тогда я подожду. – И он уселся за столом и раскрыл конспект, иногда как-то рассеянно и искоса поглядывая на девушку.

Чтобы заслонить своим телом предательские складки мешковины, и чтобы студент ни о чем не догадался, Аппассионата широко присела на пол по-турецки, подобрав под себя ноги. В такой неудобной и напряженной позе она просидела долго.

– Ты здорова? – спросил студент.

– Я медитирую. – Ситуация заставила Аппассионату отшутиться.

Пришел с работы отец. Он был какой-то сумрачный и вялым рассеянным голосом бубнил:

– Какой кошмар! Опять похожий несчастный случай. С этими нудистами, ну прямо, никакого покоя. Нашел какое-то рубище, в обход инструкции набросил на себя, его за полу и затянуло между шестернями. Осталось только кровавое месиво, крошево осталось от него...

Он увел студента к себе.

Аппассионата знала отличный кинотеатр, возле которого стояла реконструированная скульптура Венеры, уже с руками, но такого прекрасного слова о сегодняшнем фильме определенно сказать не могла. Его еще надо было посмотреть и оценить. Фильм и в самом деле нуждался в величеприятной оценке, так как оказался на редкость нудным и неинтересным, сложным по восприятию, но возможно Аппассионата сама недостаточно активно проявила обратной связи. В нем надо было самой участвовать и действовать на стороне главного героя, который подверг остракизму свою невесту, когда узнал, что она симпатизирует нудистам, вольно или невольно потворствуя им. Тем не менее, он не бросал активных попыток вырвать ее из чуждого общества. Судьба развела их по разные стороны баррикады. Девушка оказалась тертым калачом в своей беспринципности и политической неграмотности. Она поломала его и свою жизнь, жизни родственников, а потом и вовсе он и она отказались от большой любви ради каждый своей истины.

Аппассионата протрусила пару кварталов. Вспомнив о времени, взглянула на большие часы на фасаде здания – показывало без пяти минут полночь. В последнее время она часто задавала себе вопрос: когда же родители перестанут чрезмерно опекать ее? Это было немаловажно и влияло на ее последующие поступки. Она не знала, верить родителям или нет. Ей не хотелось давать им обещаний. И, вообще, не хотелось с ними разговаривать.

Аппассионата неторопливо рассматривала витрины магазинов.

Почему фильмы кончаются так рано? – с сожалением обратилась она к своему отражению. – Еще полчаса потолкаюсь здесь. Ну и пусть... Мама с папой опять останутся неудовлетворенны, они спросят меня за завтраком: “Когда вернулась?” и получат ответ: “В первом часу ночи”. Их не поймешь – они всегда недовольны тем, когда я возвращаюсь домой: то слишком рано, то слишком поздно. Им никогда не угодишь. А это уже тормоз, чтобы стать, наконец, взрослой, серьезной, определиться в жизни, встретить хорошего парня и выйти побыстрее замуж.

Аппассионата ехала домой на такси по пустынному городу. Она посмотрела вверх: яркие звезды казались навешанными на темный бархат неба, и луна, как по мановению палочки, словно для полного парада звезд и планет появилась из-за чернильной тучи. Ночь петляла за Аппассионатой на пуантах и заговаривала в уши вместе с играющим из магнитолы романсом: “Как прекрасно на безлюдной улице в такой поздний час одинокой хорошенькой девушке! Ах, как прекрасно в поздний час!”

Завтракать сели рано, но стучал вилок один только отец. Аппассионата смотрела на висящие по стенкам свои детские фотографии и не притрагивалась к налитому чаю.

– Ты где была? – осведомился он.

– Гуляла.

Другого ответа никто не ожидал.

– Мать, ты ничего не заметила? – спросил отец, принимаясь за яичницу. – Наша дочь не перегуляла?

Мать неопределенно пожалала плечами.

– Правда, она в последнее время очень странная какая-то и доставляет много хлопот родителям, вероятно, трудности переходного возраста, но если ты считаешь нормальным... Не вижу ничего особенного. Вот если бы не вернулась совсем...

– А все-таки?

– Пожалуй, она действительно перегуляла.

– Какие будут суждения по этому поводу?

– То есть? – не поняла мать. – Перегуляла, потому что переутомилась в гимназии. И надо было отвлекаться.

– Но не до такой же степени. Она не переступила порог вседозволенности?

– Ты – отец, тебе решать.

– Ну, – обратился отец к Аппассионате, – как этот твой двухсерийный фильм? Не слишком ли затянулся?

– А? Что? – Она сделала вид, что не расслышала вопроса.

Но мать было трудно провести.

– Не юли, отвечай немедленно!

– Какой двухсерийный? – переспросила Аппассионата, толсто намазывая маслом большущий кусок хлеба.

– То ты ешь, то ты не ешь! – возмутилась мать.

– Ага! Значит, фильм был не двухсерийный, а трехсерийный! – съехидничал отец.

– Сознайся, дочка, в некотором смысле, наверно, и в самом деле было две серии, – сказала мать, – одна в кино, а другая – где-нибудь в другом, некотором смысле, пикантном месте при луне с молодым человеком?

Это был верх откровенного цинизма. И от кого – матери и отца! Аппассионату стала бить дрожь.

– Я... я... – неуверенно начала она.

– Ага! – Мать уловила в голосе дочери странные нотки, и ее внезапно охватило чувство тревоги. – В чем дело? Ты хочешь сделать откровенное признание?

– Никакого молодого человека я не знаю! – Аппассионата сорвалась в крик.

– А кому ты тогда морочила голову до поздней поры?

– Никому...

– Ну и зря! – в один голос бросили мать и отец. – Можно было бы и признаться, тем более, насильно тебя за уши не тянут. А всё же, что ты делала всё это время?

– Я... не знаю... хорошо провела время, – сказала Аппассионата, – и не сделала ничего предосудительного.

– Ах, на достойном уровне? И это все на сегодня прекрасные новости? – еще спросил отец.

Мать налила себе чай.

– Скажите, пожалуйста! Наша целомудренная, шестнадцатилетняя дочь чиста как лист белой бумаги, как дистиллированная вода. Теперь, наверно, ты наложишь на себя, как святоша, епитимью – будешь вечерами постариковски сидеть дома и, конечно, читать с толковым видом толстые книжки – ах, какая я оригинальная!

– Я тебе говорила, мама, что бросила читать книги, – сказала Аппассионата.

– Почему же, читай себе на здоровье, но только хорошие, достойные, полезные книги, которые мы советуем, про Анжелику, например. Разрешаем, про гейш, умеющих всё. О домоводстве, – заметил отец, – Только свою грамотность не выпячивай наружу перед молодым человеком, создавай ему фон, что он очень умный и компетентный.

– И Бога ради, такое сейчас сложное время, не говори ему, что читаешь книжки, он может неправильно подумать, превратно понять! – взмолилась мать.

Отец предостерегающе поднял палец.

– Самое главное, дочь, когда поздно гуляешь, будь осторожна – не нарвись на нудистов – это очень плохие, каверзные люди!

– А сумерки и тьма самое опасное и беспокойное время суток для молоденьких девушек, – добавила мать.

– Почему они каверзные?

Отец неторопливо дождался яичницу.

– Ну, слишком хитроумные и всё. Это не предмет для разговора, а тем более обсуждения.

– Почему же?

– Почему-почему? Потому что... – отец поперхнулся сладким чаем и закашлялся. – Да что ты все надоедаешь с глупыми вопросами? – отрезал он и тут же пожалел о своей резкости.

Мать двумя руками подняла чашку и сделала большой глоток.

– Мы знаем этого парня?

Аппассионата опустила глаза.

– Какого?

– Опять! Не переспрашивай, когда тебе задают вопросы. Это плохой тон!

– Не совсем.

– Он хоть получил приличное воспитание? Не то, что нудисты, эти неврастеники и фанатики – я их гнилое нутро вижу насквозь!

– Он... самый... хороший... – выдавила Аппассионата из себя.

– Ах, просто отличный, замечательный парень? – не поверила мать.

– Да, он тоже их на дух не переваривает.

– Да, неужто! Бьюсь об заклад, что ты ему сказала, что не хочешь больше его видеть, потому что он хотел тебя поцеловать, а ты отказала, грубо и бесцеремонно, обошлась с ним как с элементарным прощелыгой! – откровенно и прямо сказал отец.

“Откуда у них такое любопытство? Почему они всё знают? Отчего они на стороне парня и пекутся о его благополучии?”

– Нет, не отказала! – Аппассионату теперь опять била дрожь от циничного перекрестного допроса и у нее появились слезы. – Как раз сегодня вечером мы с ним встречаемся снова!

Она осеклась. От спровоцированной родителями лжи ее мutilо.

– Вот это да! – присвистнул отец. – А мы и не знали, какая у нас дочь предприимчивая.

– Ура, святая простота! Очаровательная детская непосредственность и откровенность, чуждая всякой фальшивости! – сказала мать. – Может быть, теперь ты станешь вести себя как паинька, возьмешься за ум, найдешь хорошего парня и выскочишь замуж. И не будешь колготиться об институте, и вообще, глупые мысли не пойдут в неокрепшую голову.

– Может быть! – вспльчиво ответила Аппассионата. Прежде она никогда не лгала и теперь была на себя в обиде.

И ее понесло. И она накричала на родителей:

– Это унижительно – думать постоянно о том, чего хочется родителям. Ложь, ложь, ложь! Вы сами преподали мне первый урок лжи!

– Дочка, соберись с мыслями! – обиделись они. – И отвечай с достоинством, почему ты не успела помыть посуду, почему не прибрана кушетка, почему не причесалась?..

“Ох, уж эти каждодневные “почему””.

Но только по дороге в гимназию Аппассионата воодушевилась, увидев свое отражение на стекле магазина. Как живому существу, она сказала:

– Есть совет из мудрой книги, что, солгав однажды, нужно либо продолжать лгать, либо признаться во лжи. И первое и второе мать с отцом словно только и ждут от меня. А поскольку о признании не может быть и речи, остается либо поступить так, как сказала, либо, по крайней мере, делать вид, что так поступают правильные, хорошо воспитанные девушки. Сегодня вечером я куда-нибудь пойду и пробуду там... хотя бы до одиннадцати, но не позже... то есть не раньше... иначе родители станут подозревать меня в нечестной игре.

Глава 2 КИНО – ВТОРОЕ

Аппассионата выбрала другой кинотеатр, площадь перед которым украшала копия Апполона. Его мощные обнаженные мышцы обнадежили ее, что сегодня будет классный фильм.

Солнце уже село, и вечер вступал в свои права вкупе с обязанностями перед природой темно-синими тенями, выползающими из стенок домов.

Девушка вжалась в деревянное кресло, вытянув для удобства ноги. Тихонько покачиваясь в непоседливой позе на сидении, она следила за фильмом под названием “Раздеть и наказать нудистку”, одном из немногих при небогатом выборе, который навязчиво гонял кинопрокат, как воспитательный, как профилактический, и попасть на другой, не посмотрев этот, было практически невозможно. Это был избитый по тематике фильм про расфранчённую с ног до головы нудистку. Весь сюжет основывался на тщетных попытках отрицательной героини проникнуть в высшее общество и по ходу дела приобрести солидное состояние, ища доверчивых и богатых вахлаков. Ее сердце буквально бушевало, кипело, неистовствовало. Самолюбие говорило ей, что у нее блестящие перспективы, что она женщина с головой, что знает, чего ей хочется. Оставалось совсем немного – реализоваться как личность! Для этого нужны были деньги, уйма денег, которые лишь изредка ей перепадали, что ее не совсем удовлетворяло. Как осанка и поступь были легки и грациозны в редкие минуты успеха, когда она подымалась по лестнице домой с туго набитым кошельком или звеня подаренными ювелирными изделиями! А без денег она находилась как в жестоком ступоре, совершенно опустошенная и надломленная. Яркая от обилия косметики особа, у нее один любовный роман сменялся другим. Она порывалась с каждым новым мужчиной, удостоверившись, что он беден как церковная мышь, потому что у нее была навязчивая идея, потому что ее влекла всегда новая афера. Всякий раз, как только она одной ногой уже вступала в высший свет, она получала облом, потому что нормальное общество везде не приемлет нудистов, воспринимая их как чуму и саранчу. Пудра и румяна трескались на ее лице, изредка вспыхивающий веселый огонек, который она зажигала при встрече с клиентом, тут же потухал, как только она оказывалась у разбитого корыта. Она не хотела усложнять жизнь выходом замуж, поэтому ее довольно сомнительная девственность стала разменной монетой. Бесчисленные расфуфыренные наряды нудистки, назначение которых Аппассионата не понимала, стоили громадных денег и... охраны. Тем не менее героиню нещадно подвергали рэкету, не оставляли в покое грабители. А многочисленные конфликты с полицией и власть предержащими, усложняющими её и так непростую жизнь?..

“Суета сует! Наверное, хорошо, что у меня ничего из одежды нет”, – подумала Аппассионата, а в голове настойчиво пульсировали реплики героев из фильма: “Твоя довольно сомнительная девственность стала разменной монетой”, “Нормальное общество везде не приемлет нудистов – воспринимает их как чуму и саранчу”.

Её правильное направление мыслей подтверждали иногда раздававшиеся вокруг многочисленные возмущённые возгласы зрителей, говорившие о том, что у каждого серое убожество мелькавших на экране шоки-

рующих, напыщенных нарядов вызывали только отвращение и, соответственно, волну протеста.

Аппассионата сидела одна и томилась от неинтересного, хотя впервые увиденного фильма. Развитие сюжета, конечно, забавляло, но больше раздражало. Она считала себя обычной нормальной девушкой: у нее то появлялись угри, то выскакивали прыщи, то вовсе пропадали; пару раз обнималась и целовалась с мальчиками и искренне недоумевала, почему вокруг нудистов столько пересудов?

Ее не трогала чуждая, далекая от действительности и от ее собственной жизнь нудистки.

Аппассионата вдруг поймала себя на мысли, что ни один молодой человек не удосужился подсесть сегодня с нахальным вопросом: “Место не занято, девушка?” Ох, уж эти надоевшие вопросы, на которые девушки не любят отвечать.

Она чувствовала себя неловко. В зале было душно, и пот ручьем катил по голому телу и стекал по ногам. Этого только не хватало – расплавленное от жары тело! И потные ладони!

Чья-то услужливая рука остановила поток у самых грудей. Аппассионата взглядела в темноту. Это молодой человек с взъерошенными курчавыми волосами без разговоров подсел рядом. Тонкие, как бы волнистые губы его были полуткрыты.

Незнакомец вел себя свободно и обходительно – собирал с Аппассионаты под грудью и на животе капли пота и стряхивал на пол. От неожиданности девушка растерялась, даже не смогла задать обычный, дежурный в таких случаях вопрос: “Что вы делаете?”

На вид ему было что-то около двадцати. Одет в...

Аппассионата сначала вздрогнула, а потом пригляделась: “парень был вполне из нормальных без нудистких на себе прикамбасов”.

Незнакомец уловил слабое произвольное движение.

– Место не занято, девушка?

Аппассионата взъерилась:

– Ох, уж эти надоевшие вопросы, за которые хочется вмазать кому-то хорошую пощечину.

Парень оставался спокойным.

– Не дуйся! Я хочу избавить тебя от неудобства.

“Все бы были такие!” – подумала она о других парнях с замашками грубиянов, сменив гнев на милость.

Незнакомец продолжал собирать с Аппассионаты под грудью и на животе капли пота и стряхивать их на пол. Потом рука его так же естественно переместилась, проскользнув низ живота, на ноги.

Тут уже Аппассионата не сдержалась.

– Что ты делаешь? – прошептала она.

– Я уже много собрал... – Парень показал в ладонях влагу. – А почему ты на меня смотришь, как на врага народа?

Аппассионата призналась.

– Фу ты! Мне уже всюду стали мерещиться одетые люди!

– И мне тоже, – ответил он.

Аппассионата прошептала:

– Не слишком ли ты ведешь себя галантно?

– По-моему ты расстроена? – услышала она.

Аппассионата уже внимательней посмотрела на него.

– Нет, просто... – ей изменил голос. – Просто немного непривычно.

Тем временем на экране пошел эпизод, как к нудистке приехал отец и, застав дочь в одежде, поставил ультиматум:

– Или ты сейчас же расстанешься с этим хламьем или я задам тебе трепку?

Нудистка не шевельнулась, разве что только натянулась как струна.

– Раз... – сказал отец.

Молчание.

– Два... – предупредил отец.

Нет ответа.

– Три! – Только стекло своим резким дребезжанием отозвалось на его крик.

– Ладно, не хочешь – не слушайся. – Отец в бешенстве взял свою дочь, сорвал одежду, как шкуру с банана, обнажив тело, положил себе поперек колен и стал хлестать ладонями по ягодицам. Она поднимала свою голову с обезумевшими от дикой боли глазами и скривившимся ртом. Напрасно она старалась уклониться от ударов, и отца не тронули раздирающие крики истязуемой. Он остановился, когда почувствовал, что устал, и что ее тело обмякло.

– Его профилактические меры лучше всего говорят о правильном методе воспитания, – подал голос парень.

– Этого делать не стоило, – сказала Аппассионата, обращаясь, то ли к нудистке, то ли к парню, подсевшему рядом и продолжающему вести себя так галантно, и улышалась решительное:

– Следовало, и как можно раньше.

Эти слова Аппассионату возмутили.

– Эгей, но мы даже не знакомы!

– Меня зовут Андреус. Мне семнадцать лет. Теперь ты меня знаешь, а я тебя еще не изучил, но думаю, это дело ближайшего будущего с твоего позволения. Хип-хоп? – как-то по удивительному сказал он.

– Я тоже не против, пожалуйста, называй меня Аппассионата, – представилась она.

Андреус с удивлением посмотрел на Аппассионату.

– Надо же, как мы во многом похожи! – произнес он.

Аппассионата добавила:

– Даже мыслями!

– Ну вот, долой комплексы, – зашептал Андреус, – теперь ни у кого нет преимущества перед другим, и я тоже знаю твое имя. А это значит, что на семьдесят процентов ты моя девушка.

– Не задавайся много! На двадцать, учитывая первое знакомство, – прикинула Аппассионата в уме.

– А я не задаюсь. Если уж торговаться, то шестьдесят девять и ни процента меньше.

Аппассионате понравилась сговорчивость Андреуса. В ответ она сказала:

– А ты, раз я знаю твоё имя, на восемьдесят процентов мой парень.

Андреус блеснул глазами.

– Не много ли берешь на себя, не много ли хочешь? Это полная, скажу тебе, дискриминация! Но я джентльмен! Так и быть – уступаю. Даже больше того, предлагаю девяносто два процента, и я твой безраздельно на все сто.

– Я согласна. Но мои родители... – хотела предупредить она, но он перебил:

– Ну их, все предки одинаково неинтересны! Типичное узколобое мышление склеротиков и маразматиков!

– Конечно, они старпёры и динозавры, но нельзя так пренебрежительно говорить о родителях, – остановила она парня.

Выражение глаз девушки в полутьме он не заметил, но они блеснули предостерегающим лучом.

Он смотрел на нее, перебрасывая взгляд сверху вниз, снизу вверх, лениво думая, сколько ей лет. Фраза возникла как бы из тайника.

– Бьюсь об заклад, тебе уже восемнадцать стукнуло!

Аппассионата ощутила гордость, что ее считают такой взрослой.

– Почти, – произнесла она с сожалением, – мне только шестнадцать исполнилось.

– Возраст не помеха, хип-хоп? – подмигнул он.

“Обаяние обаяет его, – пронеслось в голове у Аппассионаты, – а курчава голова очень идет к его лицу”.

Аппассионата опять попыталась сосредоточиться на фильме. А конкретно, на одном из многочисленных эпизодов, связанным с приводом нудистки в полицию. Тогда терпение общественности воспитывать лопнуло, и дело дошло до суда. Очень понравилась речь судьи: “Суд присяжных приговаривает: 15 суток принудительно-изнурительных работ за оскорбляющий достоинство людей затрапезный вид и хождение в одежде в непопозволенных местах, нарушающих нормальное течение жизни и элементарное спокойствие остальных граждан”.

Вид женщины с кайлом на руднике вызвал возгласы одобрения у большинства зрителей.

Но не ее, в дальнейшем, показное и покаянное признание вины. Героиня, вернувшись домой, еще больше втянулась в водоворот искушения.

Фильм заканчивался тем, что после очередной разборки с ночными визитерами ей надеть было нечего и она в сердцах сорвала с бедер оставленный ей, как надругательство, последний лоскут тряпки. Уже не выделяясь среди остальных граждан, равная из равных, она слезным монологом выразила желание вернуться к прошлой счастливой трудовой нормальной жизни. В этом проявилась ее полная покорность и сознательность, что она вновь превращается в законопослушного члена большого и дружного коллектива.

Фильм подспудно пытался вызвать жалость и симпатии к нудистке, но строгие неподкупные зрители не оставили “королеве красоты” никаких надежд, однозначно вызвав согласие с приговором гневными репликами: “Отщепенкам не место в обществе”.

Андреус налегал на свои легкие криком со свистом.

– Не поддаваться романтике соблазна!

– Вот черты печального явления разложения, которому подвержены те элементы нашего общества, идущие вспять против течения, – прошептала Аппассионата.

Юноша обессиленный уже молчал, но Аппассионата чувствовала, что он не из тех, кто бросается словами, меняет решения. И она подумала о нем с теплотой – его внутренняя культура на высоте, у него убеждения, принципы на месте, что он может проникать в проблемы, проявлять самостоятельность и, что он не даст себя в обиду каким-то там нудистам.

Андреус придвинулся к девушке, ее бедро коснулось его бедра. Аппассионата попыталась расслабить тугие мышцы, но почувствовала, что вместо этого они напря-

гаются еще больше, и не узнала своего поблекшего голоса:

– Не надо, ну, пожалуйста, мы уже познакомились!

– Но не окончательно!

– Окончательно.

Рука Аппассионата опустилась.

– В таком случае встреча после кино?

Ей хотелось досмотреть титры, и она согласилась.

– После кино...

– Я знаю одно укромное местечко у озера – там никого не бывает. Хип-хоп?

– Хип-хоп... – замялась Аппассионата.

– Так хип-хоп или не хип-хоп? Ты пытаешься придумать какой-нибудь отклоняющий предлог, любую отговорку, которая бы выручила тебя. Но так ничего и не придумала?

– Хип-хоп, – услышала она свой непохожий податливый голос.

И когда кончился фильм, они сразу повернули на проселочную дорогу. Гибкие тела без всяких усилий несли их сквозь ночь. Тьма перемежалась со светлыми сполохами. Андреус решительно вышагивал впереди, освещая себе фонариком путь, а Аппассионата робко следовала сзади.

В стороне причудливые скалы поднимали над равниной свой замысловатый профиль, с каждым шагом изменяющийся от мамонта к медведю, от спящего бронтозавра к гривастому льву.

– Ты не боишься темноты? – спросил он.

– С тобой – нет! – с замиранием сердца ответила она.

Он увлеченно рассказывал про учебу на первом курсе университета, о своей поставленной цели – будущей профессии психоанатома, какие интересные проштудировал книги, а Аппассионату так и подмывало сказать, что она тоже любит книги не меньше, но, вспомнив нравов учения родителей, вежливо сдерживалась.

– Ты назовешь мне в следующий раз все книги, которые прочитал? – спросила она.

Андреус направил на нее фонарик и не удержался от комплимента.

– Подведенные коричневым карандашом, твои глаза сами по себе увлекательнейшая книга – можно зачитаться и забыться на время от содержания.

– Я задала вопрос. Отвечай.

– Да, – с готовностью ответил он, – только, дай Бог, вспомнить все, хотя бы последние: “Наглядная психометрия”, “Уклончивая вертикаль в сознании и подсознании”...

Неожиданно возникло круглое, как чаша, озеро. Берег его подступил так близко, что завиднелась водная гладь.

Они подошли к нему впритык. Несмотря на ночь, стояло тепло, и озерная поверхность при свете луны и звезд манила прохладой.

Близко раздался крик пересмешника. Они вздрогнули.

– Это не наш пересмешник! – весело хохотнул юноша и хлопнул в ладоши, чтобы рассеять гнетущую тишину.

Аппассионата рассмеялась. Темнота уже не казалась слишком однообразной, и она перестала ее ощущать, опустилась на колени, сорвала травинку и попробовала на вкус.

Андреус смотрел на красивое, легкое, гибкое, раскрепощенное тело Аппассионаты, как у зверя из семейства кошачьих, грациозное и сильное одновременно.

– У тебя хорошо получается, ты очень пластичная и подвижная, какая-то пренебрежительная сила в тебе – живительная и смертоносная. – Он коснулся ее гладкой кожи, смел с нее ладошками собравшуюся липкую пыльцу, а она не отдернулась, только смотрела на него, обнаженного, сидящего на корточках, с обезоруживающей улыбкой.

– А ты тоже замечательный, – в ответ сказала Аппассионата. – Не то что встречавшиеся мне и другим девушкам беспардонники! Я бы им снова сказала: “Успокойтесь! Кто вы такие, и что вам от меня надо”. Им бы сразу обниматься да целоваться, а, запуская руки, до такой степени были грубы, что царапали кожу заусенцами и ногтями, словно были изготовлены из соломы. Действительно ли им доставляет удовольствие так поступать?

– Просто это у них в генах заложено, – согласился Андреус.

Он стал перед ней на одно колено, и она увидела, что это поза посвящения в рыцари.

Неожиданно в Аппассионате проснулся драматический театр, она подняла с земли палку, приставила ее к шее юноши и произнесла:

– Готов ли ты, о доблестный Андреус, беспрекословно подчиниться законам и уважать древние традиции рыцарского сословия?

Андреус был в замешательстве.

Аппассионата подсказала:

– Говори: “Клянусь”.

– Клянусь, – повторил ошеломленный юноша.

– Согласен ли ты беспрекословно подчиниться приказам Великого Рыцаря?

– Клянусь...

– Готов ли ты сразиться с Князем Тьмы?

– Клянусь.

– Согласен ли ты беспрекословно подчиниться желаниям Прекрасной Дамы?

Андреус уже втянулся в серьезную игру.

– Клянусь.

– В подтверждение своей клятвы коснись священного лезвия. – Аппассионата протянула палку в сторону Андреуса.

– Что это? – спросил он.

– Длинный двуручный меч.

Она толкнула его в бок, он положил руку на палку. Аппассионата резко дернула его, кольнув сучком ладонь.

– Блин! – выругался юноша. – Ты чего?! Больно же!

– Теперь, рыцарь Андреус, наш союз скреплен кровью, – продолжила Аппассионата. – Теперь ты готов отдать свою жизнь, ты готов подчинить свои желания и стремления великим целям, ты готов дать обездоленным защиту и покровительство. В знак верности данной клятве поцелуй же священный меч.

Девушка поднесла к лицу юноши палку, его словно кто-то толкнул в затылок, и Андреус уткнулся носом в неплюскую часть так называемого лезвия...

Потом возле большого дерева они жгли костер и при неверном его колебании, отбрасывающем желтый свет на воду, смотрели, как постепенно гаснут звезды, то снова вспыхивают. Откуда-то донеслась песня. Андреус и Аппассионата всматривались в темные тени, стараясь разглядеть, кто поет. Но в лесу, кроме них, никого не было, и тогда они поняли, что поют их сердца.

– Это прекрасный волшебный мир! – сказал он.

– Да, если ты так считаешь, – согласилась она, наблюдая, как у костра ночные бабочки наполняли воздух беспокойным трепетанием крыльев.

Одного глотка этого душистого ночного воздуха, одного вздоха на происходящее было достаточно, чтобы понять, ради чего мир был сотворен.

Ради них двоих!

– Пойдем купаться, – предложила Аппассионата.

Она подошла к воде и нагнулась, зачерпнув воду ладошками. Андреус стоял поодаль, скосив глаза и наблюдая за ней.

– Что-нибудь не так? – неприязненно спросила она, ощутив порывистый взгляд юноши.

– Ничего, – выдохнул он от удивления и проглотил слюну.

Он смотрел, как она входила в воду. Икры, округлые бедра, тонкая талия, не по возрасту высокие груди, казалось, изваянные из черного обсидиана, по очереди погружались в воду.

Аппассионата вышла из воды, села на траву и обняла колени. Она смотрела вдаль, а Андреус лежал в траве у ее ног и не мог оторваться глазами от нее, рассматривая каждую пору, ощущая жгучее волнение от любого бугорка на ее теле. Он следил за нею снизу вверх, и Аппассионата казалась ему большим памятником его надежд.

Аппассионата отдышалась, а потом начала рассказывать свою историю взаимоотношений с родителями.

– Они каждую минуту учат меня жить, – закончила она грустное повествование.

– Ничего себе история! – возмутился Андреус. – Понятно. Родители, конечно, у тебя изверги, вконец замордовавшие дочку нравоучениями.

Когда она замолчала, руки его обвили вокруг ее плеч. Вздохнув, Аппассионата вытерла слезы с лица.

– Подожди, – прошептала она, шмыгая носом. – Это еще не всё.

– Не всё? – Он еще крепче обнял ее.

– Дело в том, что нравоучения – ерунда, родители ещё контролируют каждый мой шаг.

– Система слежки и колючая проволока всё запрещать! Тоже понятно, – подтвердил ее опасения Андреус.

У Аппассионаты сорвался голос.

– Они прохода мне не дают, чтобы я не ощутила постоянный прессинг. Я как под колпаком, – пожаловалась она. – Шаг в сторону – сразу расстрел!

Рука Андреуса нежно гладила ее волосы.

– Я этого не допущу, – заверил он.

– Но, в сущности, я не могу, не имею права их винить.

– У тебя никто не отнимал право голоса и право на личного защитника.

– Тем более, я почти достигла совершеннолетия, – с гордостью произнесла девушка.

– Должен быть способ победить родителей, и мы найдем его. Пусть им будет также плохо, как нам. – На лице юноши возникла решимость.

“Мы”.

Оказывается, это было утешающее слух слово. Аппассионата в душе ойкнула, до чего оно было приятное. В последнее время его часто приходилось слышать от родителей в негативном подавляющем тоне “Мы не допустим...”

“Мы”.

Это слово было противовесом родительскому “мы”. Оно нашло трещину в наступательной броне отца и матери и загорелось маленьким теплым огоньком в душе девушки. “Мы”, значит, вместе, объединив усилия, всем миром! Аппассионата выпрямилась и набрала в грудь свежего воздуха.

– Отлично, – приободрилась она. – Обещаешь?

– Честное слово.

– Хорошо, – со слабой улыбкой прошептала Аппассионата. – Они поймут, что я уже не ребенок.

– Конечно. Ты уже ростом обошла их на целую каланчу, – замечание Андреуса пришлось как никогда вовремя.

– Почему не купаешься? – спросила она, опустив руку на его плечо.

– Думаю, – ответил он.

– О чем?

– Никогда не приходилось видеть таких красивых волос, как у тебя.

– Неужели?

– Ты прекрасна в своей природной одежде.

– Почему?

– Это просто так не объяснишь.

– Ну и как ты находишь мое тело?

Андреус, задумавшись, посмотрел на небо.

– У меня нагота вызывающая, кричащая? – Аппассионата заставила перевести взгляд юноши на себя.

– Да.

– Тогда не смотри.

Инстинктивно он напрягся.

– Не могу.

Она почувствовала это, быстро убрав руку.

– Тебе не нравится, когда я прикасаюсь к тебе?

Он потряс головой.

– Просто необычно.

– Я тебе нравлюсь?

Андреус положил голову на ее колени, губами ощутив тепло.

– Ты мне понравилась с той самой минуты, когда я увидел тебя на демонстрации фильма. Ты еще задумалась о чем-то.

– Это правда? – она улыбнулась.

– Правда, – серьезно ответил он, – когда заметил, какая ты грустная.

Аппассионата взбунтовалась.

– Никакая я не грустная, просто мечтательная!

Андреус присел. Аппассионата уже лежала на траве, заложив руки под голову. И заснула. Юноша провел рукой по ней.

Аппассионата вздрогнула и приоткрыла глаза, затем замерла, вся вытянувшись.

– Что со мной?

– Извини, ты задремала.

Андреус протянул руку и помог подняться. Отчего-то его затуманенное зрение проникло сквозь расстояние между ними в несколько сантиметров, и он увидел, что рот у нее как у клоуна даже слишком широкий, а глаза невероятно велики. Но рука принадлежала не кому-нибудь, а Аппассионате. Она была чертовски приятна и опасна, эта Аппассионата.

– Ты воплощала собой прекрасную натуру, – признался Андреус. – Грудь с запрокинутыми сосками слегка трепетала от прерывистого, но ровного дыхания. Сон застал тебя в самой естественной позе. Я поразился при

виде тебя спящей. Нежные черты лица и спокойная безмятежность. Еще минуту назад ты выглядела почти взрослой девушкой, а во сне это был слабый, незащищенный ребенок. Изгиб живота приманивал ладонь, и я провёл ею ось симметрии вдоль по всей длине и ощутил крепость груди, налитые хмельным соком жизни.

– У тебя выдуманные образы, – выразила сомнение девушка.

Юноша призадумался, затем уверенно сказал:

– Нет, не выдуманные. Честное слово!

– Совсем забыла, – с сожалением сказала Аппассионата и пошла по поляне собирать цветы, затем сплела венки и два пояса из свешивающихся пучками трав с преобладанием ромашек. Один себе, другой подвязала Андреусу на бедра.

– Который час?

– Скоро три ночи.

Она резко встала с колен.

– Пора уходить.

Утро приближалось, подкрадываясь медленно и осторожно, как вражеский лазутчик, неуловимо наметившись проблеском света, и от озера поднимался редкий туман чистого белого цвета.

Они потушили костер водой.

Вдруг Андреус прислушался. Аппассионата тоже услышала приближающийся гул моторов.

– Лезем на дерево! – живо приказал Андреус.

Это была непустая предусмотрительность. Только они успели взобраться на дерево и спрятаться в его широкой кроне, как поляна огласилась клаксонами и стала наполняться автомобилями, которые разворачивались в каре и своими фарами уже били свет прямо в гущу листьев. Стало светло, как днем, и туман стал незаметен.

– Шесть... семь... – насчитала Аппассионата.

– Восемь... девять... – Тонкие губы юноши слегка дрогнули.

– Кто они?

– Это так называемые в народе бандельеро из “Армии Спасения”, наводящие ужас на нудистов. – Андреус с силой зажал рот Аппассионате.

Несколько бандельеро и женщины среди них, извращенно ругаясь, выволокли из салона большой брыкающийся мешок и поднесли к дереву, развязали и извлекли из него женщину. Это была нудистка. Собственно, из мешка она выкатилась комом, и человека почти не было видно в ней. Это, скорее, был навьюченный тюк одежды, в котором она сидела внутри как моллюск в раковине. Только торчали руки и ноги. Она переваливалась на ходу как жирный пингвин. Ее пестрая одежда бросалась в глаза среди обнаженных груди, животов, спин и задниц, вышедших из автомобилей людей. С лицом, разукрашенным красками, что представляло какую-то страшную маску, она производила неважное впечатление. Рот и глаза были залеплены липкой лентой, сорвать ее она не смогла, поэтому не делала попыток кричать и убежать.

Все это время в стороне с бичом в руке, пощелкивая им по воздуху, стоял высокий мужчина с крупными чертами лица, с обрюзгшим, женоподобным телом, с длинным широким носом, над которым нависал огромный выпуклый лоб. Он подошел к нудистке и отлепил ленту. Она протерла глаза и сплюнула накопившуюся слюну.

– Сволочи!

Андреус и Аппассионата присмотрелись. Это была высокая девушка примерно двадцати пяти лет, с боль-

шими темно-кариыми глазами, немного длинными ресницами, что придавало ее физиономии впечатление ленивой заторможенности. Она смотрела на происходящее презрительным, но спокойным взглядом.

– Кажется, я ее где-то видел. Точно! – зашептал Андреус. – На стадионе во время футбольного матча! Она шокировала болельщиков наличием на себе одежды вместе с каким-то гадом, выбежав прямо на поле.

– Сволочи! – повторила нудистка.

– Это третья эзекуция в эту ночь, но ты не сделала должных выводов. Будешь, как в прошлые разы, сопротивляться, царапаться и кусаться, мы воспитательно-педагогические гастроли продолжим, – предупредил бандельеро.

– Это гнусно, гадко, омерзительно, – всхлинула она.

– Она еще смеется над нами! – возбуждая толпу, заржала женщина средних лет, совершенно желтая и худосочная, как глиста. У нее странно задергались уголки рта.

“Нервный тик”, – подумал Андреус.

Послышались возмущенные выкрики.

– Франтиха!

– Щеголиха!

– Какая возмутительная дерзость!

– Какое неуважительное отношение к традициям и обычаям собственного народа!

– На требования о соблюдении известной нравственности не реагирует!

– Наказать!

– Франтиха-щеголиха! – на неё затыкали пальцами.

К нудистке полез пьяный бандельеро.

– Ты почему нас не уважаешь?

Его оттолкнули.

Между тем громко послышался странный гортанный голос высокого.

– Раздеться!

Он вызвал в теле нудистки неприятную дрожь, словно она попала под воздействие электрического тока, но даже не шелохнулась исполнить приказ.

– Может девушке помочь разрешить сомнение? – Раздался щелчок и она получила вокруг талии стимулирующий удар бича. Видимо удар захватил дух и с секунду она молчала, затем испустила дикий вопль и, не дожидаясь второго удара, торопливо стала раздеваться.

Напрасно Андреус и Аппассионата до боли щипали себя.

Когда нудистка оказалась в полнейшем *negligee* и снимала с бедер последний лоскуток белой прозрачной материи, Андреус и Аппассионата заметили, что девушка на самом деле стройная как пальма, что природа одарила ее чистотой своих правильных форм и очень аккуратными скульптурными булочками ягодиц с симметричными ямочками на боках.

Аппассионата вдруг начала протирать глаза.

– Кажется... Кажется, я ее тоже где-то видела, Сейчас вспомню. На пикнике! Но она не вызывала подозрения и была в обществе вполне респектабельного мужчины.

Близко стоящий мужчина изумился:

– И она делала позорные, постыдные попытки стать еще красивее, превзойти самую себя? От добра добра не ищут!

Другой добавил:

– Всё, что стремится красоту изменить – умерщвляет ее на корню, а кто – преступники! И им нет пощады!

У Аппassionаты вырвался стон сострадания к горькой участи этой женщины, когда увидела, что на бедрах, ягодицах и ляжках проглядываются темно-синие – старые и свежие – бардовые полосы. Андреус едва успел ладонью прикрыть Аппassionате рот.

– Закон не дает право таким способом наказывать нудистов, – шепнула она.

– Не разрешается, – согласился Андреус, – настоящий сосуд, но правосудие смотрит на него сквозь пальцы, потому что бандельеро невольно помогают ему.

– Одеться!

Нудистка уже не мешкая, хватала одежду с земли и накидывала на себя.

– Раздеться!

Приказы посыпались побыстрее.

– Одеться!

По мере возбуждения толпы, темп возрастал.

– Раздеться!

– Одеться!

– Раздеться!

– Одеться!

При малейшем промедлении и нерасторопности с ее стороны бандельеро подбадривал ее ударами бича, больше пытаясь попасть по обнаженному телу, и количеством и силой ударов определяя нужный темп и ритм. Похоже, что бич, играючи, не столько наводил на нее ужас, сколько еще больше раздражал.

С отвращением, смешанным со страхом, Аппassionата наблюдала за развитием событий.

– С какой утонченной жестокостью они измываются над ней, – возмутилась девушка, и, сдвинув ноги, чтобы унять дрожь, прислонила их к Андреусу.

Юноша понял, что Аппassionата кипит от негодования и, вот-вот, вся прорвется вспышкой гнева, и тогда все пропало – бандельеро не простят им такое свидетельство, а еще больше, что они в нелепых поясах из ромашек. И чтобы она не вскрикнула, не выдала свое присутствие, прижал ее телом к стволу.

– Да, конечно, – шептал он ей прямо в рот, – наказание – это предлог, больше для развлечения, для услаждения взоров сытых подонков, и выбирают они молодых и красивых девушек, чтобы получить более яркое, более сладострастное зрелище.

– Она пожалуется, и их привлекут к ответственности за издевательство над человеком.

Андреус тоскливо повел уголками губ, давая понять, что ему тоже не все понятно и надо разобраться в этом сложном вопросе.

– Бандельеро ассоциируются в народе, как санитары общества, и презрение людей против нее, а не против них. А она настолько грешна перед обществом, что стоит перед искуплением вины вплоть ценою своей жизни. Вот почему на такое решение, видимо, никогда не пойдет.

– Тогда мы сами.

Андреус испугался.

– Только не это, прошу тебя, Аппassionата. Если они нас заметят в поясах, нам не сдобровать.

– А если сюда явится полиция?

– Она никогда не явится сюда, – саркастически заметил юноша.

– Потому что соучастники?

– И да и нет, скорее немые свидетели.

Оргия продолжалась.

Похоже, для нудистки ее участь и злоключения не были неожиданностью. Она адаптировалась к обстановке, молча, точно и быстро выполняла команды. Появилась даже небрежная отработанность движений, что-то от скучной научной организации труда.

– Раздеться!

Было что-то и от спортивного соревнования. Она уже ждала команду и даже не делала фальстарта. Мгновенно расстегивала крючочки и пуговицы, завязки развязывались как живые, оголяя тела.

Утренний туман еще не рассеялся, но это вдали, а здесь при свете фар Андреус с Аппassionатой свободно могли наблюдать все дичайшие подробности.

– Тридцать секунд! Весьма недурственно! Для обыкновенной нетренированной женщины это неплохо, и лучше, чем в прошлый раз, – удовлетворенно объявил высокий, глядя на секундомер.

– Одеться!

Уложенная на траве в правильном порядке одежда, приготовленная так, чтобы экономно схватить и не делать лишних движений, мигом перекочевала на фигуру.

Раздалась последняя команда:

– По машинам!

Нудистке залепили рот и глаза лентой, набросили мешок и занесли в салон. Взревели моторы, и через минуту на поляне кроме запаха сизого дыма ничего не осталось.

От наступившей тишины у Андреуса и Аппassionаты непривычно зазвенело в ушах. Они пребывали в шоке, ощущая слабость в коленках, словно на себе испытали удары кнута по живой плоти, и остаток встречи были задумчивы, едва внимая тому, что говорили друг другу.

– Ты вся не своя, – сказал Андреус, обратив внимание на продолжающую у девушки дрожь. – Это ужасно.

Они осторожно выбрались в сонный город, избегая посторонних встреч, постепенно остывая от пережитого.

– Я хочу извиниться, – сказала Аппassionата. – Из-за меня могли быть неприятности. Я чуть не сдержалась – так было дико и жутко.

Андреус замедлил шаг и взглянул на нее.

– Нет, все в порядке. Ты вела себя великолепно, стоически.

– У тебя замечательная способность убеждения, – заметила она на это и спросила: – Нудистка при экзекуции проявила какие-либо признаки раскаяния?

– Никаких. Но на каком-то разе обязательно сломается.

– Обязательно, – согласилась Аппassionата.

– Завтра? – услышала она вопрос Андреуса.

Аппassionата счастливо засмеялась.

– Завтра, значит, завтра!

Андреус отметил про себя, что хладнокровие для такой хрупкой девушки – качество не последнее.

Она отступила в черную прорезь подъезда.

– Спокойной ночи, Аппassionата! – улыбнулся он.

– Не поправляю! – ответила она. – Ночи так ночи! Хотя утро.

Андреус погрузился, когда убедился, что девушка скрылась. Он не торопился уходить, и все смотрел на дверь, не давая убежать запечатленному в своих глазах образу Аппassionаты – черная кошка в темной комнате.

Смыть под душем пыль, немного почитать – и спать. Аппассионате было сейчас хорошо. С наслаждением взбила на теле мыльную пену и тугой струей воды просто сдула ее. Она открыла книгу и погрузилась в чтение. Каким-то невероятным образом пришли мать с отцом.

– Надеюсь, мы не помешали тебе?

Аппассионата оторвалась от страниц и рассыпалась в извинениях.

– Нет, мамочка, я читала.

– Ну и как? – спросил отец, пристально глядя на дочь.

– Хорошая книга.

– Молодой человек... – поправила мать.

Этот вопрос застал врасплох. Шутка или полный серьез?

Аппассионата ощутила на себе недоверчивые, скользкие, глубоко проникающие взгляды в нижней части живота и подумала с сожалением: “Может быть когда-

нибудь, может однажды, она и родители преодолеют барьер непонимания”.

– Так как у тебя отношения с твоим дружкойм?

Это уже мало походило на шутку.

– Вот у него и спросите! – огрызнулась Аппассионата.

“Они дали мне понять, что в их глазах я покрыла себя позором. Позором? Но каким?” – спрашивала она, тщетно пытаясь разобраться в себе.

И Аппассионата поняла только одно, что не имеет ни малейшего понятия, чего хотят от нее родители, но подумала в очередной раз: “Этот допрос обещает мне новую пытку. Интересно, сколько потребуется времени, чтобы я смогла снова полюбить их?” И чуть не ойкнула, увидев к своему ужасу их не меняющиеся черствые лица.

“Они недалекие, чванливые, равнодушные, люди-зануды”.

Глава 3 КИНО – ТРЕТЬЕ

Аппассионата ловила себя на мысли, что думает об Андреусе все чаще и чаще. Даже каждую секунду! И тревоги, сначала неуловимые, всё больше стали овладевать ею. Она вспомнила вчерашнюю встречу, вспомнила его приятные манеры, а еще больше, его умение оказать дружескую услугу и решиться на смелые поступки. Первое незабываемое, когда было душно в зале кинотеатра и ее прошибал пот. Тогда он оказался небезучастен к её неудобству и решил проблему легко и красиво. Затем не уходило из головы его мужественное поведение при встрече с бандельеро из “Армии спасения”.

Она промучилась до шести вечера и, бросив невыученные уроки, уже рвалась на крыльях к кинотеатру. Губы ее дрожали, сердце колотилось. Придет ли? Ведь это было первое в ее жизни назначенное свидание! Почему Андреуса так долго нет? Может быть, нашлись причины, по которым ему нельзя быть с ней?

У нее больше не было сил ждать. Аппассионата – квялая и сумрачная, будто печальная тень корявого пня, – вся извелась в догадках и вышла на балкон; опершись на перила, просмотрела всю ширину улицы и слева и справа. Она с надеждой и мольбой вглядывалась в затемненность квартиры, где находился телефон. Ждала – вдруг Андреус позвонит? Их отношения не должны закончиться из-за какого-то там пустяка.

А вдруг с ним произошло несчастье? Девушка вернулась к телефону, но он продолжал удручающе молчать.

Неужели Андреусу непонятно? Неужели он настолько бессердечен, близорук и недалковиден, что заставит ее мучиться всю оставшуюся жизнь.

Или телефон онемел, сломался, закип, умер?

Но вот долгожданный миг – телефон заболел бешеным.

– Да, – сказала она.

– Это я, Андреус.

Вдруг теплое чувство разлилось в ее груди от знакомого голоса. До этой минуты она и не подозревала, как сильно к нему уже привязалась.

– Салют, Андреус. Как ты?

– Хорошо, – ответил он. – А ты?

– Нормально.

– Я хотел встретиться и поговорить с тобой, – объяснил он, – но всё это время ты была занята в гимназии.

Голос ее от радости вдруг стал звонким и счастливым.

– Очень приятно, что позвонил, – перебила она его ласково. – Я даже соскучилась по тебе.

– Правда?

– Правда, Андреус.

– Жду тебя внизу.

– Сейчас.

– Аппассионата? – неуверенно начал он.

– Что, Андреус?

– Ты не обманешь меня? – умоляюще спросил он.

– Я приду, что бы ни случилось, – заверила она и положила трубку.

Когда она вышла, аккуратно притворив за собой дверь, худосочная, но с уже развитой до взрослости грудью, длинношеяя, колченогая, с круглым личиком, юношески вежливо улыбаясь большим ртом с яркими, неумело накрашенными второпях губами, Андреус уже ждал на улице.

– Привет! – сразу же махнула она рукой.

– Привет! – улыбнулся он.

Он стоял, выпрямившись, заложив одну руку за спину. Когда Аппассионата подошла, он сделал шаг навстречу и ее живота коснулись мягкие тюльпаны, вызвав у нее трепет и шекотание.

– Только не к самой коже, – сказала она, – вдруг на цветах аллергия – я боюсь.

Они испытующе застыли на мгновение, разглядывая друг друга, и внутри себя разрабатывая план действий на вечер.

В этот вечер было всё даже лучше и романтичнее, чем вчера. Это был долгий, незабываемый, сладостный миг, и никогда бы ему не кончаться.

И он не кончился!

Андреус страшился ее взгляда, искал ее взгляда, губами ее лицо в подземном переходе, озаренное ребяческой радостью и оттого казавшееся еще прекрасней.

– Когда я впервые увидел тебя, я поверил в невозможное! – сказал Андреус Аппассионате.

– И я тоже! – удивилась она, что похожие мысли посетили ее одновременно и независимо от его.

Сегодняшнее кино было скоротечным, и они были заняты больше собой, чем инфантильной и ужасной парочкой нудистов (опять про них!). Осталось в памяти только то, что нудисты жили, о себе создавая образ благонаправленных граждан. Но, умеючи скрывая ничтожность своих помыслов, жили двойной жизнью и вели не менее двойную игру с двойной бухгалтерией. Он и она постоянно требовали к себе внимание общества, чтобы за счет его решить свои никчемные проблемы. А по ночам устраивали валькириевые оргии с примерками одежд. Попались они в зону внимания правоохранительных органов и органов опеки и попечительства, когда, родив ребенка, – а тайное когда-нибудь становится явным, – они стали прикладывать все силы, чтобы воспитать из него будущего нудиста. Благо не успели, благодаря ещё и бдительности равнодушных граждан, ставших свидетелями необычной угрюмости затравленного ребёнка. Конечно, какой ребёнок через силу захочет рядиться в совсем не нужные одежды? В итоге, нудистов лишили родительских прав.

Рядовой фильм о становлении молодой семьи. Поэтому Аппассионата и Андреус не запомнили даже названия фильма, а сюжет промелькнул, не оставив о себе следа и не вызвав суждений, кроме одного замечания Аппассионаты.

– Ее необходимо стерилизовать, пока она не наплодила еще нудистов.

– И его за компанию с ней, – получила она ответ от юноши.

– Ты пойдешь со мной? – спросил Андреус на улице.

– Еще в одно кино?

– Только не в кино.

Глаза его были серьезны, мечтательны, почти умоляли.

– Да, – не успела остановить свой голос Аппассионата, – я пойду с тобой.

Андреус взял девушку за руку и направился к великолепному с огромной башней зданию, сияющим переливающимся светом. Роскошный фронтон и крыша по периметру тоже играли огнями.

– Что-нибудь случилось, Андреус?

Он обернулся.

– У меня есть предложение для тебя, – взволнованно произнес он.

– Для меня? – удивилась она.

– Да, – кивнул он, – посещение вот этого солидного учреждения.

– Этого помпезного, красного гранита палатца?

– Почему бы нет?

– Это же Дворец Правосудия! – удивилась Аппассионата.

– Вот именно.

– А что мы будем там делать?

– Во всяком случае, скучать не придется, а польза несомненная.

Дворец Правосудия и в самом деле было огромное, темное, придавленное грузом ответственности здание с искусными барельефами из множества символов и фигурок, участвующих в сценах правосудия. По одну сторону стояла скульптура бойца с мощным торсом, демонстрирующего бицепсы рук и ног, видимо, для наглядности и с, не менее, тайным предупреждением преступному элементу. По другую сторону Фемиды с завязанными глаза-

ми держала весы: на одной чашке расположился рай с благопристойными гражданами, на другой – ад с корчившимися преступниками, в том числе нудистами.

Андреус и Аппассионата по гранитным ступенькам поднялись мимо мраморных львов. Передняя стена вестибюля была стеклянная, и они взялись за бронзовые ручки огромных дверей, затем прошествовали на второй этаж и сразу с лестничного марша увидели большую табличку “Альтернативный суд”, а чуть ниже простая бумажка, прищипленная кнопкой, говорила: “Слушается дело нудистки Ш.Г.”

– Почему альтернативный? – спросила Аппассионата.

Из-за двери пробивался стойкий шум голосов, и это говорило о том, что за ней было много народу.

Андреус взялся за ручку, но открыть повременил.

– Понимаешь, каждый человек, или группа людей имеют право на демократическое волеизъявление. Всякий закон, не успев родиться, уже стареет и превращается в догму, если ему до конца тупо следовать, вовремя не переработать и не заменить его новым, который обязан дополнить старый, или отменить его, если выясняется, что тот был ошибочным или изжил себя. А догматизм – это всегда тормоз. Общество развивается быстрее, чем новый закон поспевает родиться. Жизнь вносит постоянные коррективы, создает необычайные ситуации и надо решать всё оперативно. А нормативные суды в теперешнем их усеченном виде из-за своей косности в трактовке законов, из-за неповоротливости и запаздывания правильно их воспринимать после выработки в парламенте, не успевают вести дела. Неимоверная загруженность, поэтому вкупе им с постановления правительства и по просьбе граждан разрешается устраивать еще и альтернативные суды.

– Почему нудистка просто Ш.Г.?

– Суд не называет ее имени, чтобы оно не превратилось в нарицательное, как в случае с Геростратом, сжегшего храм Артемиды в Эфесе.

Перед ними развернулась большая аудитория, полная наэлектризованных людей. Это было заметно по многочисленным транспарантам: “Будьте строже, принципалы из партии “зеленых”, “Партия “зеленых” не только за экологическую чистоту, но и нравственную белизну”. И женским скандированиям:

– Позор! Позор!

Сбоку сцены в клетке стояла нудистка, держась за прутья решетки. Матовое лицо и поддельная красота. Длинная одежда с разрезом по боку до самой талии. Распахнутый разрез – это правильно. Плохо, что нудистка раздражающе играла на чувствах присутствующих в зале, то и дело поправляя его и запахивая голый просвет. Если бы открывала? А так выглядела вульгарно, сводя полы и вызывая прикрывая бедра и ноги. Вульгарно – это было то самое точное слово. Еще у нудистки были глаза, полные ужаса. Среди голых телами мужчин и женщин в своей разноцветной одежде она выглядела совершенным пугалом. Все злословили в ее адрес, благо время не вышло до прихода судей.

На середину сцены вышел судебный распорядитель и громким голосом возвестил:

– Суд идет!

От этого возгласа Аппассионата вздрогнула, а нудистка в клетке взметнула голову и ко всему прочему начала нервно поправлять бретельки, дурачки сползающиеся с плеч.

досягаемости закона и что оставила нас в дураках! Она крепко просчиталась! Итак, господа присяжные заседатели, в вашей власти судьба общества. Что превыше всего? – вам решать. Только необходимо оградить здоровье общества от патологической заразы, которая называется – нудизм. Снизойти до чешуи, до жабер, до самого последнего червяка, до самой последней пиявки, до эмбрионального состояния – такая форма жизни нас не устраивает, поэтому не имеет права на существование.

Я закончил.

– Предоставляется слово для защиты, – объявил судебный распорядитель.

– Я хочу пить, громко потребовала нудистка.

Ей подали стакан воды. Зубы стучали о его край. Ей пришлось держать стакан обеими руками.

Из-за стола встал молодой защитник. Других добровольных защитников найти не удалось, и это было его дело, на которое он согласился после многочисленных уговоров, так как понимал, что оно для подзащитной безнадежно. Да, он знал, у него нет никаких шансов выиграть дело, потому что не было смягчающих обстоятельств, и в то же время признавал, что каждый обвиняемый – как таковой нудистка и была, в противоправных действиях которой он тоже не сомневался, – независимо от тяжести совершенного преступления имеет конституционное право на защиту. Он начал с громкого заявления:

– Господин судья, господа присяжные заседатели, защита нашла оправдательный довод. Моя клиентка понятия не имеет что-либо о нудизме. Ею двигал бессознательный мотив.

Ответ судьи был непрекаем.

– Довод не принимается. Незнание закона не освобождает от ответственности.

– Господин судья, – вдруг отчетливо произнесла нудистка, – могу ли я переговорить с адвокатом. Мне необходимо внести изменения в свои показания.

Адвокат тоже обратился к судье с подобной просьбой:

– Могу ли я попросить две минуты. Мне надо объясниться с клиенткой в частном порядке.

Из-за решетки нудистка что-то сказала. Адвокат стал бледен, но голос его, тем не менее, не потерял твердость.

– Господа судьи, господа присяжные заседатели! Моя клиентка признает свою вину по всем пунктам обвинения. Но это ничего не значит. Защита выражает свой решительный протест еще до окончания процесса. Это не суд, а жалкий фарс. Я прошу заострить внимание суда на давление прокурора, а также на личности и молодости подсудимой и вы осознаете, что нет такой вины, которую можно было бы присовокупить обвиняемой, как и, следовательно, нет такой статьи, по которой можно было бы ее осудить. А поэтому настоящее разбирательство вызывает чувство сожаления по праву... да по праву ограниченности нашего уважаемого и далеко не лучшего законодательства, требующего последующей тщательной доработки. В данном случае ставлю вопрос о приостановлении судопроизводства по причине потери к нему доверия и неправомочности вести такого рода разбирательства и выпустить обвиняемую прямо из зала суда. У меня все.

– Эта женщина втянулась в водоворот греха и представляет потенциальную угрозу обществу, – подал реплику прокурор. – Правосудие – самая надёжная его опора.

Можно гадливо поносить наше судопроизводство смрадными губами трусливых шакалов, но никому не дано с пеной у рта клеветать на нашу Конституцию, потому что есть суд закона, а есть еще суд совести, суд чести и достоинства целой нации, суд рассудка, суд добра, суд божий, наконец, суд гласа народного! И каким не будет суровым приговор, он будет ассоциироваться с истинным правосудием.

Андреус тронул плечо Аппассионаты и почувствовал, что ее колотит.

Сменив друг друга ещё несколько раз, представители обвинения и защиты сели. Затем было предложено подсудимой оправдаться, но она только выкрикнула на весь зал:

– Господа, за что? Я не сделала ничего плохого, отпустите меня домой!

Судебное разбирательство подходило к концу. Присяжные вышли из совещательной комнаты.

– Суд идет!

В зале наступила тишина. Оставалось последнее действие – зачитывание приговора. Все встали со своих мест.

Голос судьи был тихий, но каждое слово можно было разобрать в задних рядах.

– Господин окружной прокурор, присутствующий здесь и инспектирующий судопроизводство, обратил внимание на то, что обвиняемая выразила горячее желание признать свою вину и реабилитировать себя в глазах общества. Несмотря на это, по его рекомендации, суд не счел нужным идти по пути оправдания подсудимой, не делает ей снисхождение и определяет полную меру наказания. Суд принципалов партии “зеленых” постановил:

1. Обвиняемая признается виновной по всем пунктам обвинения в противоправных действиях, направленных на развращение народа, выразившееся в далеко идущем разрушении устоев общества.

2. Назначить наказание в виде публичной гражданской казни.

3. Данное решение окончательно и бесповоротно и не может быть обжаловано и опротестовано.

4. Приговор привести в исполнение немедленно в зале суда.

Зал приветствовал появление палача в черной маске, с обильным черным волосатым покровом на груди и ногах, телом Аполлона от развитых мышц.

– Процедура казни ясна? – судья еще произнес обращенные к нудистке слова.

– Ясна! Ясна! – закричали за нее из зала.

Аппассионата подтолкнула Андреуса.

– Надо остановить это позорное аутодафе, – запротестовала она. – Люди настолько уверовали в закон, что по глупости действуют вне закона.

– Набери в рот воды! – Андреус зажал рот девушке.

Вышедший на передний план палач какое-то время скрестил руки на груди, пока изучал нудистку в прорези маски.

– Нет! – простонала нудистка и, выпятив нижнюю губу, завращала глазами. Грудь ее завздыхалась волнами, она перешла с грудного дыхания на дыхание животом.

– С Богом! – сказал палач, выхватил длинный нож, обоюдоострый как тонкое жало осы, ловко поманипулировал им, рассекая воздух, и вошел в клетку.

Судья обратил внимание.

– Настал черед последнего, завершающего действия, связанного с кульминацией сегодняшнего суда – процесса между здравым смыслом и демонстративным попранием законов, как вечной драмы всемирной истории людей.

Зрочки нудистки остекленели от ужаса при виде приближающегося палача, она взглянула на нож перед глазами и мускулистые руки, которые должны были стать орудием ее казни прямо здесь, на месте, она прислонилась спиной к металлической боковой решетке, ставшей ей последней опорой, и закрыла лицо руками. Она сильнее откинулась назад и издала жалобные стоны. Лучом блеснул взмах ножа. Вспоротая одежда грудой тряпья упала к ногам нудистки. Она вскрикнула, как будто кто-то ей сделал больно.

Люди взорвались ликующими возгласами.

Давящий кислородным голоданием воздух. Как будто не хватало дыхания. Рассудок Аппассионаты словно отключился, ей пришлось воедино собрать в кулак всю свою волю и теснее прижаться к Андреусу. Но и его била дрожь.

Нудистка стыдливо загородила свое тело ладонями. Вид был отрешённый. Страх в ней уже не присутствовал. По-видимому, разум отказал тоже. Только гордость и ненависть, еще и безумие стойко стояли в глазах.

– Ишь, какая утонченная интеллигентность! – прошепестело по залу.

Перед присутствующими, словно скульптурное изваяние, открылась прекрасная молодая грудь с подрагивающими мелкой дрожью сосками, два родимых пятна с крупные монеты обрамляли левое плечо. Она покорно повернулась ими к судьям и повела бедрами, желая вызвать сочувствие, но все смотрели больше на то, как конвульсивно вздрагивающее тело постепенно покрывала гусиная кожа от резкого перепада температуры.

Присутствующие потянули носами. Судья отреагировал репликой:

– От нее пахнет свежим мылом и благовониями, витают ароматы сандала, вербены и мускуса, и этот запах куда более ощутимый, утонченный и невинный, чем всё ее поведение.

Граждане, покидая зал, кричали оскорбления в адрес нудистки и выдавали овации в поддержку судьям. Аппассионата поймала себя на мысли, что не меньше поддалась общей эйфории ненависти, но вовремя взяла себя в руки. Андреус тоже принял сдерживающее поведение, внешне ничем себя не выражал, только иногда покачивал головой, не в силах что-либо сказать.

Они медленно спускались по лестнице вниз. В ногах ощущалась слабость, словно после дня тяжелых праведных трудов.

С таким же молчаливым грузом на сердце они и расстались.

– Дочка, ты всё больше делаешь успехи! – встретила мать, когда Аппассионата поздно ночью вернулась домой.

От нее не укрылось, что в глазах дочери отражался легкий восторг и дикое упоение чем-то. “Опять двухсерийное кино”, – подумала мать.

На губах Аппассионаты и в самом деле была довольная улыбка. Это жизнь брала своё, потому что мысли о

ближайшем вечере с Андреусом, и снова в кино, перебороли сочувствие к нудистке.

– Прежде всего, здравствуй, мама, – голос дочери был спокоен, новый день не предвещал затруднений и сулил очередную приятную встречу с юношей, и поэтому она хотела начать его, как и завершить предыдущий, мирным не кровопролитным путем.

– Все в порядке было в гимназии? – поинтересовался отец.

Видимо мирный путь был тоже в интересах родителей, и Аппассионата охотно ответила:

– Да, что там могло случиться?

– Мы к тому, что ты поступай, как хочешь, только не забывай про уроки, – мягко напомнил он.

– Постараюсь.

– Надеюсь, встреча с молодым человеком оказалась для тебя не слишком тяжелым испытанием и, наконец, скажешь, кто он такой?

Это было настоящее потрясение. Такого вынести Аппассионата уже не могла. “Почему они преследуют меня даже в неуточное время? Единственное, что мне нужно от них, чтобы не изводили напрасными упреками и подозрениями, чтобы не лезли мне в душу”.

– Он обладает несомненным обаянием. К тому же за его мягкой улыбкой скрывается незаурядный ум! – воскликнула Аппассионата.

– Так, дочка, это весьма интересно... – превратился весь в слух отец.

– Продолжай, продолжай. Он нудист? – устала на нее мать.

В который раз Аппассионата подвергла анализу колоритную фигуру Андреуса, осталось только причмокнуть губами, до чего она вся ладно скроенная в обрамлении серебристого сияния луны. В голову пришло дурацкое сравнение, Аппассионата хотела от него отмахнуться, но не получалось. Она вспомнила первый свой опыт с мешковиной и примерила ее на Андреуса. Мысли поплыли потоком, но не помешали защитить его:

– Нет, такой как сейчас в чистом натуральном виде, в приятном своем рельефном естестве он лучше – на него не стыдно смотреть и лестно стоять рядом с ним. Он вне всякой критики, координированный и гармоничный, с логично просматривающимися движениями, уникально упорядоченными частями тела – тем больше, тем выразительнее эффект органичности, данной ему природой, как некий дар. Его содержание в единстве личности, в единстве личности с другой личностью, в единстве личности и общества...

– О! Да ты, оказывается, философ: с кем поведешься – от того и наберешься! – удивился отец.

Аппассионата пошла в атаку.

– Он выше всех надприродных факторов, он само олицетворение вселенной!

– А ты? – спросила мать. – Ты?

– А я... А я...

– Да. Поставь себя на место той другой виртуальной личности, способной на единство с личностью твоего молодого человека.

Аппассионата мгновенно поставила... и интуитивно почувствовала, что...

– В соревновании с ним я несколько не проигрываю по шкале ценностей, – гордо сказала она.

– Да, ладно тебе... – не поверил отец.

Мать тоже не поверила.

– И в то же время самокритично даже не признала, что в каких-то неуловимых, непередаваемых нюансах уступила ему?

– Мама, – с укоризной посмотрела на нее Аппассионата, – ты задала, наверное, тысячный за сегодня вопрос?

– Но так и не получила ответа!

– Я хочу спать, – буркнула Аппассионата и упала на кушетку, крепко обвив уши руками.

– Дочка, ты предельно возбуждена...

Но Аппассионата ничего не слышала. Ее не трогали ни намеки матери, ни замечания отца. Надо было выспаться успеть до начала школы.

Глава 4 КИНО – ЧЕТВЕРТОЕ

В этот вечер после гимназии у Аппассионаты всё получалось как нельзя лучше и как бы играючи. Она быстро приготовила уроки на завтра и, уже готовая на выход, стояла вся нафабренная теньями и наведенная модной рисованной татуировкой – два глаза на грудях. Только часы словно остановились на месте. И как только сигнальный камешек стукнулся в окно, тут же, сорвавшись, помчалась секундная стрелка, и Аппассионата, соревнуясь с ней, стремглав очутилась на улице.

– Детектив или про любовь? – предложил Андреус сегодняшнюю плотную программу.

У Аппассионаты выбор был готов заранее.

– Конечно, детектив.

Фильм был “до шестнадцати лет” про неуловимую группу международных нудистов, состоящую не только из мужчин, но и женщин, которых разыскивал Интерпол, и изобиловал погонями на всех видах транспорта с шокирующими, свойственными национальным особенностям, в зависимости от обстоятельств и места действия в тех или иных странах или континентах, одеваниями и раздеваниями.

Аппассионата зашептала:

– На меня фильм производит двоякое впечатление. Вроде бы и надо выявлять враждебную и подрывную сущность нудистов, ловить и привлекать их к суду, чтобы у них земля под ногами горела, и вроде бы они вреда не наносят и никому не мешают. Просто они сверх меры легкомысленны, чересчур бросаются бельмом в глаза и чрезмерно поглощены своими до нудности эгоистичными маскардами.

Андреус, как часто с ним случалось, уклончиво комментировал:

– Далеко не уйдут – у Интерпола длинные руки.

Не обошлось в фильме без лирики. Сентиментальная линия состояла из традиционного любовного треугольника: нудист и хороший парень-ненудист борются за любовь красивой девушки. Ее сердце дробится то на нудиста, то на хорошего парня. Борьба за ее обладание шла с переменным успехом. Победил нудист, хороший парень погибает.

– Я пытаюсь искусственно вызвать в своей душе ненависть и отторжение к нудистам. Конечно, они чужды, далеки нормальным рассудкам граждан. Но чтобы разогнать воображение до нужного порога... Ненависти и отторжения нет у меня в помине, – призналась Аппассионата.

Андреус непреклонно сказал:

– Пойми, такое твоё благодушие, видимо, не делает их менее опасными для общества.

Тем временем шайка-лейка не могла существовать долго, несмотря на целую индустрию злчных мест, организацию подпольных явок и разветвлённую сеть за-

пасных отходов. Над ней завитал дух бесславного конца. Партнёрские отношения правоохранительных служб заинтересованных государств постепенно давали положительные результаты.

Когда сюжет почти достиг своего апогея, Аппассионата прошептала:

– Сработано на славу! Так их!

Андреус был равнодушен, наблюдая, что нудистам стало туго и они оказались в наручниках. Предполагался грандиозный суд над ними, и он высказался просто:

– Без комментариев.

Аппассионата не успокаивалась.

– Противостояние добра и зла закончилось в пользу добра.

– Без комментариев.

– Весь мир был против них.

Вот тут Андреус взвился.

– А как ты хотела? Спроси любого мужчину: “Какой он хочет видеть женщину?” Голый! А женщина мужчину? Тоже – голым! Культ тела никто не отменял.

– Вот мы, например... – Аппассионата смело посмотрела прямо в глаза Андреусу.

У него они заблестели.

– С этой минуты я тоже не прочь вступить в Интерпол.

Лихо закрученный фильм на самом деле был так себе и закончился довольно быстро ожидаемым финалом в виде десерта на обед – суда и приговора, что даже не стал предметом обсуждения, когда они шли по темноте города и сотни огней боролись с ней не на жизнь, а на смерть на бульварах, в магазинах и ресторанах.

Рядом остановился черный “бобик”, открылась дверца, и выглянул полицейский чин.

– Именем закона, молодые люди, вы должны оказать нам содействие в поимке с поличным преступника.

Аппассионата сжала руку Андреуса.

– Это наша гражданская обязанность помогать правоохранительным органам, – решительно сказала она.

Юноша стоял с недовольным видом, что его отвлекли от обсуждения с красивой девушкой их насущных проблем.

– Полиция оказывает вам доверие, – вежливо напомнили им.

– Ну, если только доверие... и нам... – дал согласие Андреус.

– А это не опасно? – спросила Аппассионата.

– Бывает и бандитская пуля, но я вижу, вы настоящие тинэйджеры.

– А в чем заключается наша посильная помощь? – ещё спросила Аппассионата.

Полицейский чин пожевал нижнюю губу.

– Будете свидетелями при задержании и понятыми при конфискации.

– Как интересно!

“Бобик” неторопливо ехал по улицам, редких от прохожих, рассерженно вращая синей мигалкой. Свет фар выхватил у памятника Артемиде, отстреливающей стрелами нудистов, метнувшуюся одинокую женскую фигуру.

На ней была одежда, спадающая от плеч и доходящая до икр. Не иначе, как отягощая особу, до бедер она обтягивала, а книзу расширялась. В ушах – большие брюллики в виде сердечков. На шее – небольшой, похожий на топаз, камень на золотой цепочке. Судя по экипировке, это была женщина лет двадцати восьми, толстая, с проглядывающими из-под одежды пышными формами.

Придавленная мощным светом, она застыла на месте, рукой отгораживаясь от него и даже не пытаясь сделать движение в сторону.

– Облава, попалась птичка! – сказал полицейский.

– Что? – воскликнула она, при этом вся осела, плечи опустились вниз, руки бессильно повисли, лицо как-то сразу ужасающе перекосилось и увяло.

Аппассионата первой заметила:

– Андреус, ого! Снова старая знакомая! Мне нравится, что она до сих пор непотопляемая.

Юноша добавил:

– И непробиваемая.

Второй полицейский ухмыльнулся:

– Куда направляешься, толстуха?

– Не ваше дело! – огрызнулась она.

– Не ломай комедию, – приказал полицейский чин. – Ты, в известных кругах, нудистка по прозвищу “Королева Шантеклера”. Мы твои пальчики давно дактилоскопировали.

Она обиженно кивнула.

– С вашей организованной подачи. Все на картотеке у вас получили оскорбительные кликухи.

– Но-но! Департамент полиции! Отдел по борьбе с организованным нудизмом! – грозно напомнил чин. – Я – судебный исполнитель, это – полицейские, а эти энергичные ребята приятные во всех отношениях тинэйджеры и наша золотая молодежь – понятые.

– Ох, смешно! Судебный исполнитель! Как вы им стали?

– Вот гоняюсь за такими, как ты. У меня ордер на твой арест. Итак, вспомни, какое задержание по счету в полицейском участке, сколько раз привлекалась по суду?

Полицейский чин был хрупким рыжеватым мужчиной. Хмурое, квадратное, чисто выбритое лицо излучало энергию и готовность к действию. На его медальоне значилось: К.Х.Конда, инспектор отдела “Д”. Двое из полицейских младшие чином с медными бляшками на голой груди были настоящие гиганты. У одного по телу проступали густые черно-рыжие волосы, и всем своим видом он напоминал обезьяну, а второй был абсолютно лыс, и его яйцеобразная голова тоже придавала ему что-то от приматов.

Нудистка стояла пристыженная и оглупленная.

– Три раза, – ответила она.

– Врет. Вводит правоохранительные органы в заблуждение. На ней моральный груз пяти задержаний, – уточнил второй полицейский. – Шестое решающее.

– Необоснованных, – стала запыряться нудистка.

Первый гигант сказал:

– Если докажешь под присягой. А что ты скажешь про альтернативный суд, где тебя приговорили к гражданской казни? То-то же – не по желудку жвачка. А пока собирайся с нами.

Он поднес ей под самый нос брошюру “Уголовное положение”.

– Нашли, что демонстрировать! – возмутилась она.

Тогда ей показали “Уголовное уложение”.

– Фь-ю-ить! – и на этот раз пренебрежительно при- свистнула она.

Когда толстый том “Уголовного кодекса” возник перед её глазами, блеск в них сразу потускнел, невольно доказавший, что она немного чтит его.

Нудистка не сразу поверила.

– Это арест?

– Не совсем, но почти! Ты правильно поняла ситуацию, – рассмеялся первый.

– Ну конечно, еще чего! – не согласилась она.

– Ты должна следовать с нами до известного распорядка, – выговорил второй.

– В чем я обвиняюсь, господин Конда?

Он протянул листок бумаги.

– В ордере все сказано, осталось только внести твою фамилию.

Нудистка взяла его и быстро просмотрела. Когда подняла голову, лицо ее осталось бесстрастным.

– Основание?

– Как будто не знаешь? Всё возрастающий в мире разгул нудизма.

– Но это не преступление!

– Хуже, чем преступление! – судебный исполнитель был безоговорочен.

– Но я не сделала ничего криминального!

Конда внимательно изучал её документы и только произнёс:

– Мы на службе, нам некогда вступать в полемику.

– Могу ли я позвонить своему адвокату?

Полицейский кивнул.

– О, конечно! Право каждого. Можешь, только сейчас не время, после конфискации. И вообще, особенно не раскатывай губы.

– Как знаете, гражданин начальник, с вами все понятно.

– Когда тебя брали в первый раз, ты выглядела более чем скромно, одна-две детали на голом теле. Приличие отказало тебе, и извращение приняло опасный и, по-видимому, необратимый характер.

– Аппетит приходит во время еды, – добавил яйцеобразный.

– Ну и?.. – Нудистка притворилась непонимающей.

– Где ты все это приобрела? Подпольный синдикат?

– Предпочитаю на такие вопросы не отвечать. – От решимости в ее глазах отразились фонари.

– А отвечать придется со всей ответственностью и беспощадностью закона, и совсем на неприятные для твоего слуха. Это еще и контрабанда, милашка.

Нудистка пришла в замешательство.

– Вы серьезно?

– Серьезно. Статья 222 УК: “Незаконное хранение, употребление, сбыт, передача, ношение одежды, склонение, вовлечение лиц к этому”. Справедливость и строгость – основа закона. Тебе известно, чем такое кончается?

Та устало кивнула.

– Думаю, что да.
 – Наши brave люди достойно отрабатывают свой хлеб, – подтвердил первый полицейский.
 – Когда такие ревностные службы.
 – О, так ты всё понимаешь и осознаешь, что весь корень зла – в одежде, и воспринимаешь это как должное? – воскликнул довольный Конда.

– Ясное дело. Нудисты всегда представляли для вас известную угрозу.

– Потому что вы источник всех мерзопакостей и проклятий. – У судебного исполнителя сегодня было прекрасное, благодушное настроение и ему искренне хотелось выговориться начистоту. Неважно с кем. Поэтому разговор шел обходный, без намека на злость. – В вас полное непонимание жизни. Вы ждете удобного случая, чтобы перевернуть наш налаженный и ухоженный как сад мир, чтобы удовлетворить свои похотливо-одежные инстинкты, для этого вы имеете дешевые принципы, деньги, массу поклонников и соучастников. Каленым железом надо выжигать заразу. Наша цель: известить нудистов, как духовную общность, под корень.

Он вдруг рассмеялся:

– Хорош был бы я в этих, как у вас называют, хо-хо, колготках!

Полицейские дружно заржали, их животы задергались в приступе хохота.

Королева Шантеклера гомерически подхватила этот смех. Ее лицо стало вдруг приветливым, спокойным, привыкшим к повиновению женщины.

– Как скажете! – она прошептала непринужденно и любезно.

Они препроводили ее восхищенными глазами, когда она спокойно втискивала в дверь автомобиля свой широкий медвежеподобный зад.

– Ого! – покачал головой рыжий полицейский. – Промонстрировала, что у нее железные нервы, большое самообладание, и она сделана из другого теста.

– Нудистка с кодексом чести! – подхватил яйцеобразный.

Машина подъехала к подъезду.

Все вышли и поднялись на лифте на восьмой этаж.

– Открывай! – приказали ей.

Она вальяжным движением повернула ключ в свои апартаменты, заканчивающиеся дальше открытой дверью в туалетную комнату, полной зеркал и косметики.

Судебный исполнитель первым делом осмотрел помещение, затем зачитал судебное постановление, особо сделав акцент на строчки:

– Изъятие осуществлять в строгом выполнении буквы закона и соблюдении полноты процедуры.

Затем с надеждой спросил:

– Я уполномочен изъять всё, что противоречит закону, контрафакт в том числе. Может, разденешься сама и выложишь всю одежду? И тебе меньше хлопот и нам облегчишь задачу.

Нудистка скривила рот.

– Я не могу обсуждать судебное постановление, но не вижу причин, почему бы к составлению текста не подойти с большим юмором?

– Но-но, шутки в сторону!

После этого окрика чересчур близкое соседство двух полицейских громил ее начало нервировать и она не сдержалась:

– Уроды, катитесь все к чертям собачьим!

Волосатый гигант почесал рыжие заросли на животе. Квадратное лицо Конды потеряло свое первоначальное спокойствие и превратилось в строгое лицо полицейского.

– Подобное поведение не оставляет нам другого выбора, как применить воздействие третьего рода. Сержанты, будьте любезны, помогите даме.

Оба полицейских подошли к развалившейся в кресле нудистке, выдернули ее оттуда и стали крутить руки, расстегивая на ней застёжки, пока верхний предмет не упал на пол. Её глаза сделались керамическими, словно после обжига глины.

– Вы, медведи, полегче! – крикнула она. – Я не шлюха, с которой можно обращаться грубо.

– Одежда номер один, зеленого цвета, материал – чистая шерсть, – сидя за столом, объявил судебный исполнитель и занес в реестр.

Нудистка усмехнулась с нарочитой небрежностью:

– Эй, вы, буки, это – платье!

“Гориллы” подошли и сдернули с тела другой предмет. Нудистка оказала показное сопротивление.

– Одежда номер два, коричневого цвета, материал – кожа.

– Куртеха, – подсказала она.

– Всё своё ношу с собой, – сказала Аппассионата.

Андреус заметил:

– Крылатое выражение древнего философа. Оно не к месту. С выражением связана одна древняя история. Была осада крепости. Неприятель разрешил осаждённым выйти и вынести вещи, кто сколько сможет унести. Этот философ ничего не взял с собой. Этим он доказал, что только духовное имущество является настоящим богатством.

– А я вспомнила другую историю. Тоже осада крепости. Разрешение выйти только женщинам. Такое же предложение неприятеля вынести на себе, что смогут, но тогда женщины вместо вещей вынесли на плечах своих мужей.

По мере изъятия нудистка становилась все тоньше и тоньше и оказалась совсем не такой обрюзгшей, как показалась вначале с медвежеподобной задницей. Андреус и Аппассионата наблюдали как полицейские с методичностью истуканов складывали конфискованное в общую стопку. Нудная двухчасовая процедура подходила к своему завершению.

– Я еле стою на ногах, – призналась Аппассионата.

– Держись, недолго осталось, – ответил Андреус.

– Одежда номер восемнадцать, цвет красный... – услышали они.

– Ещё платье! – изумился яйцеобразный.

– Ещё или снова? – переспросил записывающий Конда.

– Кажется, опять... пятое.

– Похоже, главным её занятием была трогательная забота о своем нежном теле и своём ложном благополучии. – Интенсивная работа не отвлекала Конду от разговора.

– Господи, и чего только не придет на ум, какая дикая фантазия, чтобы только натянуть на себя черт знает что и стать похожей на соломенное чучело? – прошептала Аппассионата Андреусу.

– Платье в крови! – вдруг всполошился чёрно-рыжий.

– Не может быть!

– Шеф, пятно или следы, точно. Цвет ни с чем не перепутаешь.

– Руки! – крикнул нудистке яйцеобразный.
 Она подняла руки и развернула ладони. Все посмотрела на них. Они были чисты и очень бледны.
 – Королева Шантеклера, ты меня слышишь? – спросил Конда.
 – Да.
 – Это чья кровь?
 – Не знаю.
 – Точно, не знаешь?
 – Точно.
 – Значит, кровь жертвы?
 – Вы мне дело не шейте! – зашлась в крике нудистка, голос её стал срывающимся.
 – Нет?
 – Нет.
 – Без насилия не обошлось!
 – Я не убийца!
 – Ты уверена?
 – Абсолютно.
 – Тогда откуда оно тебе досталось?
 – Подарили.
 – Кто?
 – Достойные восхищения люди!
 – На экспертизу! – приказал Конда. – Отдельно положите в пакет.

Тоненький кружевной поясok на бедрах был последним, что оставалось на теле нудистки.

– Одежда номер двадцать три, цвет розовый в крапинку, похожая на набедренную повязку, – записал исполнитель.

Спесь с нее сошла и она смотрела на понятых, как затравленный зверь с безысходностью, но и с надеждой в глазах. Но Андреус держал руку на спине Аппассионаты, прижимал ее к себе и шептал:

– Слава Богу, что конфискация кончается.

Судебный исполнитель коротко кивнул двум полицейским.

– Продолжайте!

“Гориллы” с одутловатыми, ничего не выражающими лицами еще медлили, топтались на месте, рассчитывая на покладистость и благоразумие нудистки раздеться самой, но, судя по ее расширившимся зрачкам и ежиковатому виду отстаивать себя до конца, взяли ее в кольцо с двух сторон.

Раздался истошный крик:

– Фараоны, копы, менты поганые! Болваны! Кретины! Недоумки несчастные! – Она судорожно изрыгала проклятия, подыскивая более точные определения и эквиваленты, и вырывалась из рук.

– Предупреждаю! – Взгляд судебного пристава не предвещал ничего хорошего.

– Негодяи! Палачи! Дерьмо собачье! – тем не менее продолжала нудистка. – Вы годитесь для работы в порту грузчиками, а не в полиции! Кур вам только пасти в огороде! – Еще больше она скривила губы.

– Записываю: “позволяла оскорбительные выпады и дерзкие эскапады против представителей законной власти”, – окончательно сказал исполнитель.

Внушительная стопка из одежды, перевязанная лентой, лежала на столе, а нудистка еще недавно наглая и самоуверенная, стояла голая, вся поникшая как мокрая курица.

Андреус изумился:

– Аппассионата, она совсем не толстая, как показалась при встрече, даже с осиной талией!

Для Аппассионаты причина была ясна.

– Еще бы, одежда стянула ее, как корсет, – сказала она.

– У нее очень бледная кожа, давно не получавшая дозы ультрафиолетового облучения, – отметил Андреус.

– Видимо от постоянного злоупотребления ношением одежды, – добавила Аппассионата.

– В патрульную машину Королеву Шантеклера до выяснения обстоятельств! – приказал Конда.

– Это не кровавое пятно, это платье красное! – взвыла нудистка.

– Ты в патрульную машину, а платье в лабораторию. Там разберутся, – услышала она.

Судебный исполнитель нудно зачитывал:

– Из документов осмотра ясен преступный заговор...

Андреус и Аппассионата переминались с ноги на ногу. Так на их собственных глазах была еще раз развенчана легенда о “красивой” жизни нечистоплотных граждан.

Нудистку покинули, когда она сидела в загороженном отсеке “бобика” и выглядывала с задумчивыми глазами из-за решетки на улицу, унылая и потерянная, прижав к вискам кончики пальцев.

– И это всё-всё было на ней, всё на одной женщине. Такое физически трудно даже представить... – не скрывала свое удивление Аппассионата.

Юноша коротко объяснил:

– Это от явного перебора и дикого дилетантизма. Ее желание одеваться приняло уродливые гипертрофированные формы.

– Да, обыкновенный здравый смысл отказал ей, – подтвердила девушка.

Андреус проводил ее до самого подъезда и не удержался от последних слов:

– Твои глаза светят в утренних сумерках как у кошки.

Мать с отцом опять не спали, пасли утренний приход дочери.

Когда Аппассионата вошла, мать лихорадочно теребила пальцы, а отец нервно прохаживался по комнате.

– Забавно! – констатировал он. – Мы с ног сбиваемся, а на щеках дочери играет дерзкий легкий румянец, в уголках губ затаилась довольная улыбка.

– На лице читается какой-то дикий восторг – и ни намека на страх! – удивилась мать.

Аппассионата ощутила разочарование, села и машинально взяла книгу. Отец по привычке прошелся еще раз взад-вперед и резко повернулся лицом к дочери.

– Ну, что ты собираешься делать, твои планы на будущее? – спросил он.

– ...с молодым человеком! – подозрительно добавила мать. – У меня есть все основания думать, что ты... – суровость ее не знала предела.

– Этот допрос обещает быть бесконечным? – возмутилась Аппассионата.

Мать смотрела прямо.

– Нам интересно знать, сколько потребуется времени, чтобы мы смогли понять друг друга?

Слезы потекли по лицу Аппассионаты.

– Опять нравоучения? Почему вы не оставите меня в покое? Это единственное, что мне нужно от вас. И пусть бы вы не лезли не в свои дела!

Отец спросил:

– Так как же вся ладно скроенная фигура твоего молодого человека, которая включает подвижные пружины в твоём воображении?

– Папа, ты читаешь чужие мысли, а это подло и беспринципно! – заморгала Аппассионата.

Мать продолжила допрос:

– Аппассионата, я тебя понимаю. Скажу больше, твои мысли только о молодом человеке, и дома и в школе. Каждую свободную секунду! Волнения подпирают тебя, как волны. В твоей голове каша от его приятных манер, дружеских услуг и смелых поступков. Признайся, когда было душно в зале кинотеатра и тебя прошибал пот, он проявил инициативу к твоему неудобству и решил проблему легко и красиво.

– Откуда ты всё знаешь?

– А что знать? Не ты первая, не ты последняя. Твой папа когда-то поступил точно также.

– И “девушка, место не занято?” я говорил тебе, – добавил отец.

Мать не унималась с расспросами.

– Затем, Аппассионата, у тебя не уходит из головы его решительное поведение при встрече с так называемыми бандофлопами из “Армии спасения”.

– Но как? Каким образом? О ужас! Откуда тебе известно про “Армию спасения”?

– Догадалась. Она существовала во все времена, и твой папа был тоже герой.

– А еще ты о чем догадалась?

– Ночь, улица, фонарь, аптека, луна, озеро... Долгий, незабываемый, сладостный миг, и никогда бы ему не кончаться. Каждый новый вечер всё лучше и романтичнее, чем вчерашний.

– Мама, да ты экстрасенс! Это настоящее потрясение. Такого вынести я уже не могу.

В комнате повисло тяжелое молчание. “Значит, они знают всё!” Аппассионата почувствовала, как слабеют ноги. “Но как? Каким образом?” Она резко встала из-за стола и подошла к окну.

Отец кивнул матери.

– С книгой она выглядит, как на известной картине великого художника “Девушка с книгой”, сумевшего проникнуть во внутренний мир слушательницы эстетических курсов, стоящей у распахнутого окна и задумчиво смотревшей на вечернюю улицу, а падающая светом луна серебром отражалась как в воде на ее коже.

– Вот так и будешь сидеть всю жизнь, уткнув нос в книги? – недовольно поморщилась мать.

– Ого! Да она выше тебя! – воскликнул отец, уводя женщин от скандала.

– Если бы ещё не ветер в голове! – заметила мать.

– Я уже взрослая! – встала на свою защиту Аппассионата. – Я уже не ребенок! Хватит меня учить!

– Молодой человек нашего поля ягода? – неожиданно перешла на другую тему мать.

Аппассионата сразу вспомнила Андреуса.

– Он не остается в стороне от поднятых проблем, его понятия о нравственности вполне сформировались, он может принимать самостоятельные решения и он не даст себя сбить с толку чуждыми нормами поведения. Нудисты для него – тьфу!

– Так я тебе сразу и поверила!

– У него умение брать себя в руки и переходить из одного состояния в другое, более уравновешенное.

– Скажите на милость!

– У него не по возрасту взрослый рассудок, хорошее образование – школа и первый курс университета, отличные родители – пока я их не знаю, редкое воспитание – ой! какие только он читал книги!

– Конечно-конечно, он не бессердечен, не близорук и дальновиден. С нежелчной печенью, не с куриными мозгами...

– Мама, прекрати! У него и правда хорошая печень.

– Понятное дело, в его порочных глазах утонет любая девушка!

– Он и в самом деле...

– Вот и сказала бы сразу “самый уникальный из уникальных”.

– Этого не знают разве что мыши, удавы и кролики, – блеснул остроумием отец.

В голосе матери появилось успокоение.

– Так-то лучше, – сказала она, отступив на два шага. – А теперь дай убедиться, что ты действительно взрослая.

– Да, мама, – пробормотала Аппассионата. Держать себя в покорной позе было ей отвратительно, но сейчас это было душевное равновесие и единственно правильное соотношение сил.

Аппассионата стояла смирно и понуро, ожидая, пока мать с отцом медленно обойдут вокруг нее.

– Опять вы меня рассматриваете как микроба под микроскопом! Я чувствую себя лошадью на продаже с аукциона. Смотрите, словно в первый раз меня видите и как на некое инопланетное существо.

– С животом всё в порядке, криминального превышения объема нет! – успокоил жену отец.

У матери было только одно в голове.

– Да ну? И когда она только поумнеет и выйдет замуж?

Отец задумчиво свел брови и посмотрел на часы.

– Аппассионата, ладно, иди спать, но чтоб сегодня в школу без опоздания!

Глава 5 КИНО – ПЯТОЕ

– Детектив или комедия? – сегодня загадочно предлагала Аппассионата.

– Давно не смотрел по-настоящему увлекательную и смешную кинокомедию, – высказал пожелание Андреус.

– Дети до шестнадцати лет?

– Иначе неинтересно.

Пока они ждали в сквере начала сеанса, Аппассионата попросила Андреуса.

– Прочитай мне что-нибудь на память.

Андреус встал в театральную позу и произнес монолог:

– Ее взгляд встретился с его. В ее глазах затаилась какая-то боль, боль, которой прежде никто не замечал. “О!” – простонала нудистка и подняла выщипанные брови. Грудь ее вздымалась от бессильной злобы...

Аппассионата размечталась:

– Может хоть сегодня не про нудистов? Мне не нравится постоянное их стремление выпячивать себя в обществе.

В зале было уже темно, и они ощупью прошли на свои места. Титры кончились, и зал потряс первый взрыв хохота. Фильм начался с определившего смех эпизода – раздевалась нудистка. Комичность сцены была вызвана заеданием молнии, которая ну никак не хотела расстегиваться, и нудистка пыталась снимать одежду то через голову, то через ноги, запутываясь все больше и больше в многочисленных складках, пока не упала, обнажив зрительно чересчур пухлые ягодицы.

– Я так и знала, – прошептала Аппассионата, – не слишком ли навязчиво о нудистах?

– Если хочешь, уйдем отсюда.

Но сочувствие юноши только распалило ее.

– Я хочу понять их психологию, я хочу о них знать всё! – отрезала она. – Питательная среда, силы потворствующие им. И вообще, что это у них: бегство от действительности, неуверенность в себе, в завтрашнем дне, внутренняя опустошенность, низкое состояние духа?

Андреус рассмеялся.

– Разве непонятно. Мы настолько привыкли считать нудизм явлением опасным и отравляющим наше сознание, что мозг воспринимает это не иначе как истину, а кинематограф в свою очередь, как идеологическое оружие, напал на бесконечную тему, и пока не обсосет ее до конца – не отступит.

– Это твоё мнение?

– Разумеется. Добавлю. Я за коренное, я за скорейшее разрешение проблемы нудизма.

– Я тоже за то, что когда-нибудь возобладает здравый смысл и слово *нудизм* потеряет своё значение. Да только где он этот смысл затерялся среди дремучих лесов?

– Но это произойдет только в одном случае.

– Странно ты говоришь. В каком?

– Тсс, – юноша приложил палец к губам, – если мы все разом станем нудистами.

– Судя по фильму, его никогда не дожждаться.

– Согласен. Но это фильм-предупреждение, фильм-потрясение, фильм-напоминание, фильм-прозрение. Идет нешуточная война на всех фронтах: идеологическом, информационном, экономическом, социальном и даже с физическим применением силы. Фильм о грядущей опасности, исходящей от нудистов. Малодушие и они подомнут под собой всех. К сожалению, фильм не вооружает нас способами борьбы.

– Андреус, ты уверен, что с нудистами какой-то диалог возможен?

– Если бы я знал мотивацию их не всегда понятных поступков.

– Я тоже не в курсе.

– Если хочешь изучить проблему глубже и основательно, у меня дома есть книги: “Нудист среди своих и чужих”, “Психология нудиста”, “Исследование мотивов нудизма”. Дам почитать. Только мне кажется, на многие вопросы они не дают ответа и написаны предвзято, но в основе своей толково и правильно. Разнообразные методы давления на общество, применяемые нудистами, разбираются весьма подробно.

Андреус и Аппассионата снова обратились к фильму. Тем временем, не без осложнений, нудистка, наконец, разделась, чтобы, не привлекая ничьего внимания, пройти по центральной многолюдной площади, а затем в

подъезде под лестницей оделась. Она позвонила в дверь к своему другу, тоже нудисту, желая произвести на него неподражаемое впечатление. Он в эту минуту не ждал ее и был не готов – оказался раздетым, что явилось камнем преткновения в их дальнейших взаимоотношениях.

А по залу пошел хохот.

– С чего это зрители потешаются? – спросила Аппассионата, хотя ее подмывало к смеху не меньше, и приступ его она сдерживала, как могла.

Вот уж кому на комедии ходить не имеет смысла – Андреус даже не изменился в лице, когда пустился в серьезные объяснения:

– Ничего не находишь противоречивого?

– Как бы, чего-то недостает, и, как бы, что-то лишнее есть в их отношениях... – пожал плечами девушка. – Очень похоже на переливание из пустого в порожнее, или перетягивание каната, когда пряди лопаются, а соперники топчутся на месте.

Андреус победоносно смотрел на Аппассионату.

– Одета женщина и голый мужчина. Это ли не вечная причина для размолвки у конфликтующих сторон. Вот такое неожиданное несоответствие формы и содержания и вызвало в зале хохот.

Тем не менее, некоторые зрители героиню освистали, в том числе Андреус.

– За двурушничество, – пояснил он. – Зачем она то раздевается, то одевается? Я тоже не понимаю, не люблю, не уважаю таких людей. Надо или-или, а ни то ни се.

Конфликт в фильме разрастался. Героиня, увидев своего возлюбленного в таком, совершенно неромантическом виде, вспылала гневом, смерила его ненавидящим взглядом с ног до головы, фыркнула и наговорила кучу дерзостей:

– Как не стыдно? Я летела к тебе на крыльях любви, желая увидеть тебя настоящим красавцем. А ты презрел мои надежды!

Нудистка ушла, хлопнув звонко дверью.

Потерпевший фиаско герой бросился было за ней следом, но, вспомнив, в каком он непривлекательном для нее виде, и что она его за это презирает, лихорадочно стал выбрасывать припрятанную в разных углах одежду и надевать на себя.

Зрители хохотали до упаду, глядя на его гротескные, полные неуклюжести попытки превратиться в нудиста. Как у продукта своего времени, у него получалось неумело, руки тряслись, пуговицы застегивались наперекосяк, и когда он не без приключений явился всё же к ней одетым, она, напевая простенький мотивчик, принимала душ.

Очередное несоответствие формы и содержания и по залу прокатился новый с улюлюканьем приступ хохота.

– Ах, вот ты какая! – Тут уже главному герою пришлось разочароваться и выразить всю гамму своих отрицательных эмоций. – Развела меня как последнего лоха! Насаждаешь свой образ жизни, а сама не являешься достойным примером?..

С женщины капала вода, она была как мокрая курица, и перед ним она стояла совершенно эмоционально опустошённая.

Андреус как нельзя лучше прокомментировал:

– Дал волю своим чувствам, костерит за непоследовательность в ее поведении. Правильно поступает. – Юно-

ша вздохнул. – Аппассионата, скажи, куда только подевались люди с настоящим идейным мировоззрением?

Аппассионату от нелогичных действий героев фильма тоже временами раздирал смех, но здесь она мрачно заметила:

– Они нищие духом. И какая у них может быть нормальная семья, ячейка общества, если они не могут определиться в главном для себя вопросе: одеваться или раздеваться и добиться при этом единства и согласия.

Фильм заканчивался постельной сценой. Герои жалась в проявлении любви друг к другу в одежде, она им мешала, сковывала движения, заставляла испытывать настоящую муку, но гордость и принципиальность были превыше всего.

Зрители покидали кинотеатр, удовлетворенные финалом.

Аппассионата не оставила при себе замечание.

– И стоило им метаться в поисках счастья, находя отдушину в нудизме, когда всех нудистов из-за присущих им противоречий рано или поздно ждет такой печальный и закономерный конец.

Юноша хлопнул себя по голове.

– Книжки, которые я предлагал тебе, хорошо, но еще лучше изучить проблему изнутри.

– Как это изнутри?

Только тут девушка заметила, что на улице было даже больше, чем темно, и лишь витринные стекла давали необходимый свет, а реклама совсем пропала. Аппассионата поняла, что они очутились на окраине города.

Андреус махнул рукой куда-то в луговую даль.

– Вон туда! Я хочу тебе что-то показать нечто впечатляющее, и, думаю, ты не пожалеешь.

Они долго выходили на старое место, где еще недавно жгли костер и была встреча с бандельеро из “Армии спасения”, и стали продвигаться по берегу озера, обходя редкие перелески. Их восковые фигуры почти по плечи скрывались в густой влажной траве и вырисовывались в серебристом свете полной луны. Только здесь на прибрежных лугах, где до города было далеко, к ним пришло единение с настоящим чувством прекрасного.

Чем дальше они шли, тем явственней впереди было слышно какое-то стрекотание.

– Неужели есть такие большие ночные кузнечики? – спросила Аппассионата, озираясь.

– Только не пугайся! – предупредил юноша.

– Куда мы идем? – Сердце ее билось немножко сильнее, чем обычно. Естественное волнение перед таинственностью, обещанной Андреусом.

– Мы пришли, – сказал он спутнице, спустя несколько минут.

Они прошли дальше, обошли последнюю заросль кустарника. Что-то светлое мелькнуло в темноте. Геометрически правильный в виде огромного тетраэдра павильон оказался близко шагах в тридцати. Его изображение отражалось в спокойных водах озера. Стрекошущие звуки доносились оттуда.

– Зайдем? – спросил Андреус и, не услышав согласия, увлек Аппассионату внутрь.

Перед ними раскинулся цех. За столами сидели девушки и нажимали на педали интересных рокочущих машинок, которые пропускали через себя материю в цветочках. В конце зала девушка поднимала готовое изделие, расправляла его и складывала в пакет.

– Что это? – спросила Аппассионата.

Андреус приложил палец к губам.

– Ч-ш, только не так громко, здесь могут быть чужие уши!

– Ты бывал здесь раньше? – догадалась она.

– Много раз, – признался он.

– Один?

– Всегда один.

– А ты не боишься, что родители узнают?

Он рассмеялся.

– Родители? Я уже давно самостоятельный. А родители – что! Всегда хотят, чтобы дети их слушались, чтобы мы были паиньками.

– А что всё это значит?

– Понимаешь, бессознательно люди всегда хотели одеваться, а фокус наших родителей и заключается в том, чтобы заставить детей ходить нагими сознательно, заставить их чувствовать себя неловко в одежде и даже испытывать стыд. Это, так называемая, отлаженная еще с древности система воспитания – априори. Она у нас в крови. Предположим, пришел из Крабовидной туманности начнет нас учить жить по-новому, по своему разумению, конечно. Как мы воспримем его нравоучения? Безусловно, в штыки! Существует разрыв между будущим и настоящим. Мы, к сожалению, еще не близки к будущему.

Аппассионата сморщила лоб, стараясь понять суть происходящего.

– Андреус, о чем ты таком говоришь?

– Мы, к сожалению, еще не готовы к кардинальной перестройке, – продолжил он и тут же прибодрился: – Но время работает на нас. Мы будем жить в другом обществе, свободном от предрассудков.

– И что?

– Мир взорвется от несправедливости...

Ошарашенный вид Аппассионаты был красноречивее любых слов.

– Не смей так говорить. Это... как богохульство! Еще подумают, что ты нудист! – воскликнула она.

Андреус пристально посмотрел на девушку. Спокойные, голубые глаза его, казалось, излучали мягкий свет.

– Так ли уж плохо быть нудистом?

Она отвернулась, чтобы он не увидел ее слезы. Он взял ее руку, нежно обхватил за талию и посмотрел в глаза. Она не сопротивлялась, когда он поцеловал ее в мокрые щеки.

– Придешь со мной в следующий раз?

– Да, – покорно ответила она, – если ты захочешь.

Раздался звонок. Девушки по сигналу встали в емкий проход, рассекавший цех надвое, и под музыку начали делать гимнастические расслабляющие движения. Нагнувшись вперед, они выдерживали дыхательную паузу, выпрямившись на носках – тоже, помогая себе широкими взмахами рук. Молодая женщина, стоявшая вполоборота, напрягла мышцы и оказалась довольно плотного упитанного телосложения, с хорошо развитыми икрами и роскошной грудью. Она показывала первые движения, одновременно говорила:

– Делаем вдох, поднимаем вверх руки, вытягиваем руки всё выше и выше, славно потягиваемся, набираем полную грудь воздуха, задерживаем на несколько секунд дыхание и затем быстро-быстро выдыхаем, опуская руки и нагнувшись вперед как можно ниже, при этом производим громко «ха-ха-ха!»

Аппассионата повторила это упражнение молча. Она озиралась по сторонам, будто опасалась, что кто-то увидит ее за этим странным и нелепым занятием.

Андреус наблюдал и не мешал. Когда инструкторша повернулась, Аппассионата первая насторожилась.

– Андреус, узнаешь? Это же Королева Шантеклера.

Юноша даже присвистнул.

– Удивительно, она опять переступила нам дорогу.

– А почему они шьют одежду, а сами голые? – спросила Аппассионата.

– Это то же самое, что фермер без коровы, но если вдуматься, всё на самом деле и сложнее и проще. Помнишь, я тебе говорил о том разрыве между будущим и настоящим. Они только наполовину готовы стать нудистками. Они сомневаются, противоречия раздражают их между “нельзя” и “можно”, но желание пуще неволи. Психологически трудно вот так сразу решиться на ответственный для себя шаг.

– Ну почему же?

– Рассмотрим ситуацию ближе, доведем ее для наглядности до абсурда. Я подбросил тебе одежду, ты утром встаешь, продираешь глаза и...

– Иду умываться.

– А дальше?

– Собираюсь в школу.

– А одежда? Ты даже не обратила на нее внимания, какая она красивая!

– Зачем? Мне и так не дуется и сырость не мешает.

– Вот и они так рассуждают. Это их первая стадия привыкания к одежде.

Аппассионата резко взмахнула ресницами.

– Значит, есть и вторая, и третья?

– Есть и четвертая.

– Неужели?

– Молодец, задаешь умные вопросы! – Андреус быстро замкнул свои губы на щеке Аппассионаты. – Пойдем! – решительно увлек он девушку за руку.

Она не сопротивлялась, но еле поспежала за ним. Они вошли через небольшую анфиладу в просторный затемненный зал. Приглушенный свет на сцену давали маленькие юпитеры. В зале стояли люди: больше молодых парней, но было много и женщин и пожилых.

Занавес поднялся, включились еще два юпитера из четырех с балконов более мощные, и в пересечении лучей света появилась высокая пленительная девушка, стройная, с матовым цветом лица, блестящими глазами, с высоко вздымавшейся острыми торчками грудью. Лицо и живот являли собой безупречность, почти без единого изъяна. Кожа была обильно смазана какой-то мазью, что от падающего света тело сияло. Девушка извивалась плавно в медленном танце живота.

Аппассионата даже не поверила.

– Неужели? Королева Шантеклера! – воскликнула она.

– Ого! В новом для себя качестве! – подтвердил юноша.

Что-то упало сверху. Королева Шантеклера, не прекращая движений, грациозно поймала и прикрыла этим грудь. Раздались аплодисменты и первые цветы полетели к ногам красавицы.

– Это бюстгальтер, – шепнул Андреус.

– Зачем он нужен? – испугалась Аппассионата.

– Смысл открывается в самом слове. Чтобы держать высоким бюст, – ответил он.

Выражение ее глаз не изменилось.

– Зачем держать высоким бюст?

– Это поднимает женщину в глазах окружающих, особенно мужчин. Чтобы было красиво, чтобы подчеркнуть стан.

– А разве естественная грудь женщины выглядит некрасиво?

– Красиво, но как бы сказать... – смешался Андреус, – есть какая-то загадка. Любой человек всегда хочет заглянуть в неизвестное, за тонированное стекло, разобраться, что происходит за дверью, за стенкой, за ширмой... ищет тайный смысл там, где вроде бы всё понятно...

– Объясни, пожалуйста.

– Ну, в частности, у мужчин есть стремление нарушить... то есть разгадать тайну, а у женщин – преднамеренно сохранить ее в первозданном виде как можно дольше или вообще скрыть таким образом, чтобы мужчины терялись, терзались, ломали голову и осознавали ее, как высокую материю.

Музыка продолжалась, а танцовщица без усталости подергивала бедрами. Сверху опять опустилось что-то воздушное, парящее зигзагами. Несколько секунд и ее длинные ноги были обтянуты в черные узорчатые сетки.

Снова раздались аплодисменты.

– Это чулки, – прокомментировал Андреус. – Ажурные.

– Я никогда в жизни не видела чулки, а они зачем?

– Для элегантности.

Аппассионата не совсем понимала, но тут ее существо запротестовало.

– Как можно говорить о красоте и какой-то элегантности, – с вызовом начала она свой маленький монолог, – когда настоящая красота добровольно зашоривается одеждой, прячется, чтобы о ней никогда не узнали, становится недоступной для обозрения? Чем больше одежды, тем меньше самого человека. Это и так ясно.

Андреус находился в задумчивости. Аппассионата заметила, что он переваривает сказанное, и добавила:

– Чтобы быть элегантным, мужчине достаточно подобрать себе женщину, а женщине – мужчину. Как ты и я. Ты собой придаешь элегантность мне, я – тебе. Я элегантна с тобой, ты элегантен со мной. Моя мама всегда говорит папе, что он без нее – ничто пустое место.

Андреус оставался непроницаем.

– Красоту нельзя подменить чем-то другим! – решительно бросила Аппассионата.

– Конечно, это аксиома, – согласился юноша.

Уже мягче она сказала:

– Разве человеку нечего демонстрировать у себя без дополнительных аксессуаров? Выше и дальше прыгнуть, быстрее всех пробежаться, поднять большую тяжесть. Как видишь, никакая одежда не сможет конкурировать с естественной атлетической фигурой.

Андреус стоял словно пристыженный.

– Да, да, – поддакнул он, а тут вдруг произнес: – И да, и нет.

– Что, и да и нет? – Аппассионата зевнула, прикрыв рот ладошкой.

– Ты права и не права...

– Ах, вот как? Я хочу домой, – сказала она, не скрывая своего раздражения.

– Подожди немного, – сказал Андреус, – начинается кульминация – самое интересное впереди.

А ослепительная блондинка, не прекращая телодвижений под шумные выкрики зрителей, уже натягивала на руки до самых локтей черные мешочки с оттопыренными пальцами.

– Обрати внимание, это перчатки! – со смешанным восторгом сказал Андреус. – Для изысканности. Маленький пустячок, а как облагораживает, как божественно преобразует женщину, сказочно делает ее заманчивой и неповторимой!

– Ясно, перчатки, – уже понятно и как-то равнодушно кивнула Аппассионата, отвернувшись.

– Нет, ты смотри, это очень важно и сексуально. Она надевает трусики. Я поплыл...

Аппассионата не обиделась, когда Андреус взял ее за плечи, развернул в сторону сцены и поцеловал.

– А эти трусики, они для какой цели? – спросила она в лоб.

– Не знаю. В принципе, ни к чему. Женщины без них смотрятся намного лучше. Но женщин разве поймешь? Любят они мужчин шокировать. Чистой воды эпатаж. Наверное, всё же для импозантности.

– Так это и есть вторая стадия привыкания к одежде? – Аппассионата насмешливо смотрела Андреусу прямо в глаза.

– Пожалуй, да.

– А третья?

– А третья – это уже сама диктующая моду жизнь в ее постоянном стремлении к развитию.

– А четвертая?

– Когда человек совсем не мыслит себя без одежды. Как последняя стадия влюбленности. Только это не деградация личности, когда радикально помочь бессильны даже врачи. И тем более, не тяжелая, наследственная болезнь, как нам представляют, рано или поздно с неотвратимым смертельным исходом.

– Я не знаю, верить тебе или нет.

Чтобы донести смысл происходящего, Андреус стал объяснять:

– Всё что ты видишь, называется стриптиз – театральное представление с постепенным одеванием. Его придумали умные люди – нудисты, чтобы завлекать других в свое братство. Это дело добровольное. Индивидуализм людей требует комфортности. Она свойственна нам всем, и каждый должен давать ей эмоциональный выход, выплеск, избрав для этого соответствующие формы раскрепощения. Одно из них и является стриптиз, который в дальнейшем становится путевкой в нудизм для всех участников.

Аппассионата вопросительно на него посмотрела.

– Но, Андреус, милый, нудисты являются антисоциальными типами, так говорит моя мать. А большинство причисляют их даже к сексуальным меньшинствам. Да и сам этот процесс одевания действует, как мне кажется, по-плотски возбуждающе.

Андреус вздохнул.

– И ты веришь?

– Не знаю.

– Это неправда! Подмена фактов лживыми декларациями. Ты лучше смотри на сцену и не спрашивай. И вообще, будь выше глупых предрассудков. Если женщина, девушка отягощена предрассудками, то и мужчины подвергаются от этого большим неудобствам, а их неловкость в результате возвращается бумерангом по тем же самым женщинам в виде взаимного непонимания.

Чувственный ротик танцовщицы всё еще показывал свои очень крупные, жемчужные зубки и розовые десны, она уже красовалась в шляпке и закрытом платье до пят.

– Из люрекса-локтели, – подсказал Андреус.

Платье привело в дикое исступление всех мужчин и они затопали ногами. Женщины подбадривали танцовщицу одобрительными возгласами:

– Ойля, ойля!

Начался заключительный финал музыки. Рожденный буйной фантазией грациозной исполнительницы, танец превращался в феерию. Под всё убыстряющийся темп, Королева Шантеклера стала быстро снимать одежду и тут же бросать в зал перчатки, чулки, шляпку... На девушку уже не обращали внимания. Началась давка и кутерьма – кому что достанется.

Андреус нырнул в самую гущу, поймал платье, скомкал и крепко прижал к себе, чтобы его не вырвали из рук и не разодрали на лоскутки. Толпа мгновенно успокоилась, когда ловить уже было нечего. Танцовщица отклонилась и удалилась со сцены.

– Это... это... глупо, – произнесла Аппассионата, – бессмысленнее ничего не придумаешь. Представляю, кому-то достались ее трусики.

– А это как, не глупо? Бери, носи на здоровье, это тебе! – Андреус радостно развернул платье. Его щеки победоносно раздувались от случайного выигрыша, добытого в честной, открытой борьбе.

– Мне не надо.

– Примеряй! Дареному коню в зубы не смотрят.

– Я не хочу быть нудисткой! – она отвернулась, хлестнув его нос волосами.

– Скажи “да”.

– Нет.

– Девушке всегда легче сказать “нет”, чем сказать “да”. Вот она и выпендривается. Я знаю, я испытал на себе. А ты опровергни, возможно, моё заблуждение.

– Нет.

– Брось из себя корчить недотрогу! – взметнулся Андреус. – В той или иной мере мы все нудисты, стоит только проследить за нашими не всегда безупречными, не всегда достойными применения мыслями и дать им отчет; и когда остаемся наедине с самими собой; и, собственно, когда стоим перед зеркалом и любуемся на себя, примеряя различные брюлтики. Только не признаемся. Мальчишники или девичники в чистом виде никого не волнуют, уходят в прошлое.

– Чего ты хочешь? – перебила Аппассионата. – Чего ты добиваешься?

– Просто надо суметь воспитать в себе, а затем и развить чувство полноценности перед представителями другого пола.

– А зачем его развивать? Мне отец говорил, что чувство полноценности сильнее проявляется и даже красит человека, когда он находится в естественном голом виде.

– Он не прав. Отсталый вид мышления. Это и есть, так называемый, комплекс неполноценности, задавливающий индивидуализм дешевой теорией о некоем вреде одежды...

– О Боже! Только не продолжай дальше, – скорчилась Аппассионата в гримасе, бросив взгляд на спасительный выход. Инстинкт подсказывал ей уйти, убежать, скрыться.

И она пошла домой, но Андреус не отставал и протягивал платье.

При одной лишь мысли о том, что она, Аппассионата, наденет это платье и о подобных последствиях, ее переполнило... Однажды, она вспомнила, что точно такое же чувство испытала – чувство стыда, а затем страха. Но это когда было? После пикника в горах. Во время сна. Здесь в реальной обстановке, наяву, Аппассионата вдруг успокоилась: не так всё, впрочем, страшно. Первое чувство мелькнуло и ускользнуло. Оно было и его нет, когда есть возможность опереться на сильное плечо Андреуса.

Руки Аппассионаты, тем не менее, не подчинялись, выписывали бог знает что, но ослушались, и платье уже сидело на ней как влитое на фоне дикой яблони.

Андреус даже вскрикнул:

– Кстати об одежде, тебе очень идёт это платье. У меня перехватило дыхание. Совершенно.

Она ловила восхищенный взгляд юноши, но вдруг спохватилась, опомнилась.

– Забери свое паршивое платье! – Быстро снятое, оно упало к ногам юноши.

– Ты... ты... синий чулок! – ничего другого не нашелся сказать Андреус.

– Это как понимать? – Аппассионату возмутило новое словосочетание.

– Это ходячее выражение в среде нудистов про тех, кто не нудист.

Он насильно сунул платье в руки девушки и отбежал в сторону.

– Я – синий чулок? Я – никакой чулок! – запальчиво обиделась Аппассионата.

Андреуса покорило несогласие девушки с ним и он с жестокостью воскликнул:

– На этот раз ты похожа на роскошный, но ядовитый цветок, что растет на берегах гниющих вод.

– Я... Я... – возмутилась она и побежала. – И вообще, Андреус, спокойной ночи, то есть утра!

– Ты, конечно, свободна всё решать самостоятельно, но сначала подумай, не делай резких движений, – юноша проводил ее озабоченным взглядом.

“Оставить ее? Бежать за ней?..” Его сейчас обуревало нетерпеливое, как у подростка желание покрыть ее тут же, на месте, поцелуями, не давая возражениям вырваться из ее рта.

Высоко поднятая луна уже растворялась в сером небе и синеющий, окрашивающийся первым лучом предутренний рассвет растекался по земле.

Когда Аппассионата прошмыгнула в дом, отец с матерью спали. Ей уже доводилось видеть спящих родителей, и картина, которую она увидела сейчас, ничем не отличалась от обычной, но всегда умиляла. Удивительная с их стороны простота. То же мерное дыхание, те же расслабленные тела... Аппассионата улыбнулась, увидев, как они обнявшись, заложив ноги друг в друга, спят, не накрывшись, совершенно обнаженными. Было действительно смешно: тощий папа рядом с мамой, довольно крупной женщиной.

– Папа! – тихо позвала она.

Ответом ей стало лишь безмятежное похрапывание.

Потихоньку на цыпочках она открыла дверь своей комнаты. Она сгорала от нетерпения еще раз померить свое платье. Потрясающее платье, и какое приятное волнение, продолжавшее теснить грудь!

Она не помнила, как быстро забылась во сне прямо в нем с довольной улыбкой на невинном детском лице. Снилось нудистка из фильма. Все, кому не лень, укоряли ее, без конца морализировали, учили жить по правилам общества. Но чтобы такие говорить слова? Кто-то родным женским голосом визжал: “Грязная шлюха! Паршивая потаскуха!”, бил по лицу и срывал платье. Каждый удар Аппассионата воспринимала, словно по своей собственной персоне и задыхалась.

“Неправда, такого не было в фильме!” – сквозь сон подумала она и открыла глаза.

Солнце врывалось в окно широким потоком.

Отец пучил глаза и рычал:

– Тащи ее из постели за волосы!

Кто-то ее тряс, как тряпичную куклу. Над ней, нахотлившись, стояла мать, хлестала по щекам и сдирала через голову платье. Оно скомканное уже валялось рядом.

– Идиотка! Ничего подобного никогда не позволит себе благовоспитанная девушка.

– Надо ж такое спроворить, и это наша дочь! – возмущался отец. – Что только люди подумают?

– Мама! – закричала Аппассионата и как змея стала извиваться, увертываясь от экзекуции. Слезы несправедливости душили ее.

– Над моей дочерью надругались, насильно запихнули в эту хламиду! – вдруг заголосила мать.

– Итак, ты считаешь, что в твоём поведении всё в порядке? – Этой пониженной на тон фразой отец вернулся к привычной для себя манере разговора, но ответ был ошеломляюще груб:

– Да, считаю!

– Это бунт, мятеж, государственный переворот! – загрохотал отец, потом сделал кивок в сторону окна. – Попадись этот щенок, кости ему переломать!

Мать виновато присела рядом.

– Доченька, подтверди, они надругались над тобой – эти нудисты, скоты, мерзкие свиньи. Они склонили тебя к безобразному проступку. Что будем делать, как смыть позор с нашей семьи?

– Аппассионата, собирайся! – приказал отец. – Ты не прошла тест на соблазны. Нас выставили на всеобщее посмешище: тебя, меня, маму, всю нашу семью. Сейчас же пойдешь к нудистам и в присутствии их демонстративно снимешь с себя это уродливое платье. Оскорбление на оскорбление. Твой мужественный поступок будет ударом им всем, всему их собачьему сообществу за поруганную честь. Они с нами подло, и мы им в спину плевок!

– За всё то, что они позволили против нас, – застонала мать.

– Да, дочка, ты сделаешь это для родителей, мамы и папы, как бы не было тебе неприятно. – Отец ласково погладил по голове Аппассионату. – Этим ты реабилитируешь себя в наших с мамой глазах.

Мать с расстановкой добавила:

– Дочка, тебе отвратительна собственная покорность, но сейчас это единственно верное поведение.

– Я... попробую... – Аппассионата дышала с надрывом.

Отец завел свой “пикар” и стиснул руль так, что пальцы побелели.

Дорога какое-то время пролегла вдоль однообразно-го забора из высоких деревьев, бросающих на дорогу

пестрые тени, отчего мелькание в глазах переросло в резь. На дороге гнетуще никого не было.

– Ни души, как будто все вымерли. Знает собака, чье мясо съела! – со злостью пробурчал отец.

– Не возьму в толк, куда они всё-таки подевались? – вновь и вновь сдавленно повторяла мать.

Аппассионата в томительной тревоге немного успокоилась, только держала пальцы у рта и надкусывала краешек губы. Но вот успокоение вновь уступило место беспокойству. Лес кончился, начались кусты, и открылось поле. Вдали заблестело озеро с впадающей в него речкой. Оно играло розовым светом пламенеющего солнца с противоположной стороны.

– Кажется, уже приехали. Их зона начинается отсюда, – почувствовал резкие изменения отец.

Разглядеть находившихся впереди людей было не просто в трехстах метрах. Однако было хорошо видно, что они разгуливали в одеждах.

Кусты зашевелились и раздвинулись. Из них возник патруль нудистов с желто-зелеными повязками на голове и в пестрых однотипных костюмах цвета хаки.

Машина остановилась.

– Вы кто?

В машине презрительно промолчали.

– Вы – будущие нудисты? Новообращенцы? Прошли одеванием первичный ритуал посвящения?

– Да... то есть, нет... – открыла дверцу Аппассионата. Вытаскиваемая матерью руками и ногами, она пыталась не показывать своего страха перед нудистами. Но, несмотря на то, что она старалась быть спокойной, губы ее тряслись.

– Ты запомнила, дочка, о чем мы с тобой говорили, что ты должна сделать? – вдогонку крикнула мать.

Но Аппассионата уже не слушала. Она бежала, не оборачиваясь, к нудистам, к парню, который вышел навстречу.

– Андреус! – шептала она, выбиваясь из сил. – Андреус, милый!

На переднем сиденье послышался сдавленный крик женщины.

– Отец, да смотри же, что она вытворяет? Это как называется? – Мать почувствовала подвох, что-то неладное, когда высокий нудист снял с себя пиджак и набросил на плечи Аппассионаты, а она уткнулась головой ему в грудь.

Мать попыталась выйти из салона, но патруль тесным кольцом обступил “пикар”.

– Негодяйка! Вот она – современная молодежь! – взвизгнула мать во всю мощь своих легких.

Отец удрученно хрустнул запястьями.

– Упустили в воспитании, теперь пожинаем плоды.

Густые, тяжелые облака собирались над головой.

– Мать, ты когда-нибудь видела, чтобы человек выглядел таким счастливым, что счастливее его нет на свете, как наша Аппассионата? – вдруг спросил муж.

Жена безвольно опустила руки и задумалась. Что-то неясное колыхнулось в ее мозгу, пробуждая смутные нелегкие чувства.

– Отец, ты сегодня не в меру сентиментален и не к месту витаешь в облаках, – сказала она.

– Наверное, действительно, с годами мы становимся сентиментальными, – буркнул он в ответ и вдруг откинулся в кресле на подголовник и зашелся в истерическом хохоте.

Жена недоуменно взглянула на него.

– Не пойму, что тут смешного? – Она смотрела на мужа и слезы обиды душили ее, как его душил смех бесилия.

– Нет, ты только подумай, – почти рыдал он, – идет хорошо организованное, отлаженное и глубоко спланированное наступление, налицо намеренная попытка подорвать социальную и экономическую основу нашего общества, оконфузить прекрасно нарисованный в проектах и удачно выстроенный образ жизни, а целое могущественное государство с его законодательной и исполнительной властью, при всей мощи аппарата подавления и института насилия не может справиться с кучкой нудистов. Нет, ты только подумай!

Мотор уныло вздохнул и замолк – немой укор пассажирам.

Муж лег на руль. Серый сумрак от тяжелой тучи всё быстрее расправлял свои крылья и распространялся во круг.

Жену словно кольнуло.

– Да это же тихая ползучая революция!!

Откуда-то издали раздался сильный хлопок.

– Взрыв? – насторожилась она. – Кажется, ухнуло или трянуло со стороны города.

Муж завертел глазами.

– Что-то произошло. Поехали.

Расстояние до монумента “Грации” они преодолели меланхолично и только опомнились, когда перед машиной выступил голый постамент. Вокруг него валялись обломки.

Жена вздохнула:

– Вот тебе и “Грации”, вот тебе и скульптурная группа “Женщины-патриотки, срывающие с себя и топчущие ногами последние одежды”!

Муж только прибавил скорость.

– Быстрее в город!

На улицах творилось что-то невероятное. Люди в одеждах громили символы прежней власти. От них в страхе бежали голые люди, некоторые из них облачали на себя что попадалось под руки: коробки, мешки и уже сами гонялись за голыми.

Муж показал на девушку с горящим взором в кожаной тужурке и с пистолетом в руке, которая давала быстрые приказы, кому в каком направлении двигаться, и одетые люди ей послушно отвечали.

– Комиссар, пришло наше историческое время! Королева Шантеклера, ты наш талисман!

– Смотри, эта комиссарша больше всех зверствует! – заметил муж.

– Наши ей в подметки не годятся, поэтому профукали власть, – ответила жена.

Муж повернулся к ней.

– Не узнаешь ее? Вспомни: пикник, бадминтон, внизу у озера нудисты. И проходящая парочка. Аппассионата как в воду смотрела, когда спросила: “Может, эти приятные толстяк и с виду порядочная, благопристойная дама в укромном месте тоже нудисты? Я еще пожурил: “Откуда у тебя такие неприличные мысли?”

– Настоящее сумасшествие! – зашлась в беспокойстве жена.

– Ты была права, – подтвердил муж. – Это точно, не иначе, настоящая революция.

Жена явно пребывала в панике.

– Что делать? Что делать? Что делать? – полоумно твердила она.

Муж показал жене на чехлы на креслах.

– Завернись.

Облаченные в чехлы, они выскользнули из машины и направились к своему дому.

* * *

– Два часа истекают, – предупредил изобретатель Напортов.

Писатель Шульгин посмотрел из-под мохнатых бровей.

– Мы уложились в сюжет?

– Фильм очень даже цельный и получил свое достойное логическое завершение. Вторая серия, я думаю, Дарья не понадобится.

– Дай бог ей переварить хоть эту одну.

Даша очнулась и открыла глаза, еще некоторое время сидела неподвижно, привыкая к свету.

– Это всё? – с недовольным видом спросила она.

– Дарья Евгеньевна, в миру – Аппассионата, – охладил ее пыл Напортов, – сочувствуем, но... такое кино никогда не приедается, никогда не насмотришься. Кино – есть наркотик.

А Шульгин добавил:

– Из всех искусств главнейшим для нас является кино.

Девушка замялась.

– Только я не согласна с трактовкой спорного положения, ведь нудистами называют совсем не тех людей,

что у вас в фильме, и слово “нудист” имеет специфичное конкретное толкование.

Шульгин взметнул головой.

– Голая натура называется “ню”. И голых правильнее называть нюдистами. А у нас с ироничной приставкой “ну”, что вполне оправдано. А если смотреть дальше – это всего лишь нестандартная ситуация, условность положения, взлет фантазии, право каждого писателя на вымысел. А в принципе, существуют голые племена и как-то ведь называют они людей в одежде. И там, наверняка, есть сторонники запрещать ее ношение, есть свои пуритане, снобы и ханжи. В общем, нудизм наоборот.

Изобретатель Напортов сделал замечание:

– Вы хотели интересное кино, просили пооригинальнее, и вы получили его.

– А зритель имеет какое-нибудь отношение к рождению фильма?

– Стойкое участие – раз, исполнение главной роли – два! Разве этого мало?

– Я хочу прийти еще раз.

– В скором времени, возможно – да. Мы уже думаем над тем, как выйти из этой тесной комнаты в большой зал на тысячу мест не меньше, и тогда каждый зритель одновременно найдет свое индивидуальное неповторимое кино.

Дарья густо покраснела.

– Могу я купить этот фильм, две копии?

– Зачем – две?

– Мне и... только зовут его не Андреус. Как и меня не Аппассионата. Подарок на день рождения.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Произведения каждого автора подвергаются коллективному обсуждению, причем “последнего слова” ему не дается. В конечном счете, он получает вполне объективную квалифицированную оценку своего творчества.

Игорь Терновский,

член литобъединения с 1965 г.

Какое значение в жизни города имеет литературное объединение – это сегодня не вызывает двух мнений. Конечно, большое. Да еще его ждет историческая оценка. Оно выросло и количественно и качественно, доказательством чему служит появление журнала “Ухта литературная”.

Обстановка там больше принципиальная, когда страсти, бывает, накаляются так, что от автора порою остается мокрое место.

Хорошо это или плохо?

Игорь Терновский, в статье “Так было и так есть” (“Ухта литературная” № 1) пишет: “Произведения каждого автора подвергаются коллективному обсуждению, причем “последнего слова” ему не дается. В конечном счете, он получает вполне объективную квалифицированную оценку своего творчества”.

Такую процедуру можно подвергнуть сомнению, когда забывают об авторе. Это он сейчас может написать в журнал в свою защиту. А тогда? Но уж раз это устоявшаяся традиция еще от Рекемчука, приходится подчиняться.

Критика – дело тонкое, еще и психологическое, в которой главное — не переусердствовать. И тут при обсуждении огромную роль играет председательствующий, как направляющая, консолидирующая и подсказывающая сила, не дающая обсуждению зайти далеко или уйти в сторону. Задачи председателя просты: показать себя эрудицией, а не, Боже упаси, властью или склоками. Потому что авторитетом председатель литобъединения прежде всего член Союза писателей, а, значит, ему должны заглядывать в рот.

Как мне показалось, некомпетентность явилась причиной нижеследующего документа.

Алексей Мильков

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ г. УХТЫ И ЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЖУРАВЛЕВУ А.К.

После обсуждения фантастической повести “Аппассионата и кино” у меня возникло разочарование в здоровые литературные силы наших ухтинских писателей, в том числе маститых.

Во-первых, это недобросовестность всех прочитавших ее. Создалось впечатление, что повесть не читали, а пробежали глазами. Кравцов В. Р. прямо сказал мне, что он уже на другой день отнес рукопись к председателю

литобъединения. В. Миронов не удосужился вообще прочитать, так сказать, умыл руки. А. Пашнев, заметьте, прочитал начало и конец. Спасибо ему и за это. Где такое видано для серьезных критиков? Отсюда не получился глубокий и обстоятельный анализ.

Некачественный подход к обсуждению привел к тому, что большинство критиков вместо разговора с упором на сюжетность, на коллизии, на образы скатились в

частности, то есть, к перечислению орфографических ошибок, за которые, как Пашнев выразился, бить надо. Хотя всем известно, что рождению произведения предшествует большая переписочная, редакторская и корректорская работа. Тогда Льва Толстого убить мало. Помните, он сто раз дорабатывал “Войну и мир”.

К сожалению, я столкнулся с фактом, что наши ухтинские писатели, мягко скажем, плавают в литературном языке. Пашнев подверг сомнению слово “протрусил” из фразы “Аппассионата протрусил пару кварталов”. Виктор Романович вообще сказал, что нельзя говорить “с бритым черепом”, как если бы сказать “коза кричала нечеловеческим голосом”. Череп у Виктора Романовича ассоциируется только в голом исполнении – без волос, носа, ушей, с пустыми глазницами. Но если так подумать, фраза “с бритой головой” тоже не корректна. Бреют все же не голову, а кожу. Поэтому, если точно, фраза должна выглядеть так “с бритой кожей на голове (на черепе)”. Есть такое высказывание, что писатель пишет больше не на знании, а на интуиции. В данном случае интуиция подвела кое-кого, даже всех присутствующих. “С бритым черепом” – это пример укороченной фразы, чтобы не вдаваться в утомительный технологический процесс бритья, что волосы предварительно намыливают, сбрасывают, кожу моют, одеколонят. И вот я читаю книгу: Арч Стрэнтон “Привидение” (стр. 167). “Волосы из светлых, коротко остриженных, превратились в спутавшиеся лохмы, свисающие вдоль **ЧЕРЕПА**”. Получается так, если можно сказать “волосы вдоль черепа”, то с таким же успехом можно сказать “с бритым черепом”.

Во-вторых, как была проведена экспертиза на примененный мной литературный прием “нудисты наоборот”? Непринципиально, некорректно, непорядочно. Для многих он стал неожиданностью и, как оказалось, не по силам воспринять.

И мне за это поставили в вину. Не понравилось слово “нудисты” с его специфичным конкретным толкованием. Ну и что? Поэтому я свое произведение, не претендуя на реальность, назвал фантастической повестью. Электрон – позитрон, белое – черное. Это понятно. Но если нет обратного значения слову “нудизм”, в природе это явление не существует, хотя есть племена, не знающие одежды, и вероятно у них такое понятие подспудно имеет место, поэтому я, не мудрствуя лукаво, оставил это слово за собой. В конце концов, писатель имеет право. В сущности, делом случая хлеб стал зваться хлебом, как кенгуру – кенгуру. В математике применяются числа со знаком минус. Для среднего ума непонятно, и академики объяснить не могут. Принимают и все. Есть доказатель-

ства “от противного”. Например, пусть или допустим Иванов есть Сидоров. На этом принципе “перемены ролей” построено произведение “Принц и нищий” Марка Твена. Возможно, найдется еще не один пример.

Далее. Были такие моменты (при обсуждении), не красящие вас как писателей. Некоторые откровенные сцены из повести просто шокировали непривычных, оканчивается пуритански настроенных поэтов, хотя, в общем-то, должны понимать, что тут, как говорится, сам Бог велел, когда описываются голые люди. Было бы правильным с вашей стороны, если бы вы попрекнули меня за недостаточное количество таких сцен.

Наталью Фоменко шокировал пот у Аппассионаты. Прости, Наташа! Как же без пота? Он бывает на открытых частях тела тоже, а герои у меня голые и сидят в душном помещении. И здесь, я не погрешу против истины, я достиг реальности.

Игорь Николаевич Терновский начал с того, что с ходу в карьер сказал, что повесть ему не понравилась, хотя свой приговор он должен был вынести в конце после критических своих замечаний.

А чего стоят рассуждения, что юмор должен быть смешным, а масло масляное, при этом забывая, что масло все же состоит из воды. Да, к идеалу мы должны стремиться, но считаясь с тем, что существует эффект бани: сколько ни мойся, все равно выходишь из нее грязным.

А как смотреть на такие факты, что в сумасшедшем доме сплошные юмористы и что природа смеха зависит больше от банальных причин. К сожалению, смех – это ведь еще уровень “дебильности” каждого и общества в целом. Поэтому я лично убоился бы делить юмор на смешной и несмешной, вот на умный и неумный – это правильно.

Еще странно, что на обсуждении ни разу не прозвучал термин идея (фабула) произведения, что особенно важно в литературе, где очень много должно быть оригинальных (фабульных) ситуаций. Везде требуется идея: в изобретательстве, в шахматной задаче, при любом мозговом штурме. Как говорится, танцевать надо от печки, то есть от идеи. Безыдейная (бесфабульная) литература отвращает читателя. Нетребовательность идеи порождает неумение понимать ее, а, следовательно, оценить, как в вашем случае.

Все выше перечисленное подорвало мой интерес к вам, как к компетентным людям. Поэтому я не буду посещать литобъединение, пока ваш уровень подготовленности в прозе не вырастет.

Алексей Мильков

3. 07. 93

ПЕРСОНАЛИИ

МИЛЬКОВ Алексей Леонтьевич

Родился в 1946 году в Ухте. Сначала одиннадцатилетка в школе № 11, затем окончил механический факультет УИИ. Работал в «УХТАНЕФТЕГАЗГЕОЛОГИЯ» по внедрению новой техники. Сейчас трудится прибористом в профилактории «Крохаль».

Фантастикой увлекается с семнадцати лет. Любимые писатели — Станислав Лем, Роберт Шекли, Илья Варшавский, Чехов, Сидни Шелдон.

Писать фантастику начал шесть лет назад. Издал маленькую книжку «14 тигров и 6 шакалов» и сразу же трехтомное собрание сочинений.

Увлечения: шахматы, спорт, два сына.

В фантастике сделал много эпохальных открытий, например:

«Чем цивилизованней, а значит, гуманней человек, тем меньше у него в сознании тигров и больше коал» (рассказ «14 тигров и 6 шакалов»);

«Если есть зеркало, искажающее фигуру, следовательно, существует зеркало, которое ненормальную фигуру может представить в точном соответствии со всеми правильными эстетическими канонами на нее» (рассказ «Как я поверил в народную медицину»);

«...ждать, ждать, ждать и надеяться, и снова ждать» Закон роботизации номер Сто Четыре (повесть «Удачи большого мегаполиса»);

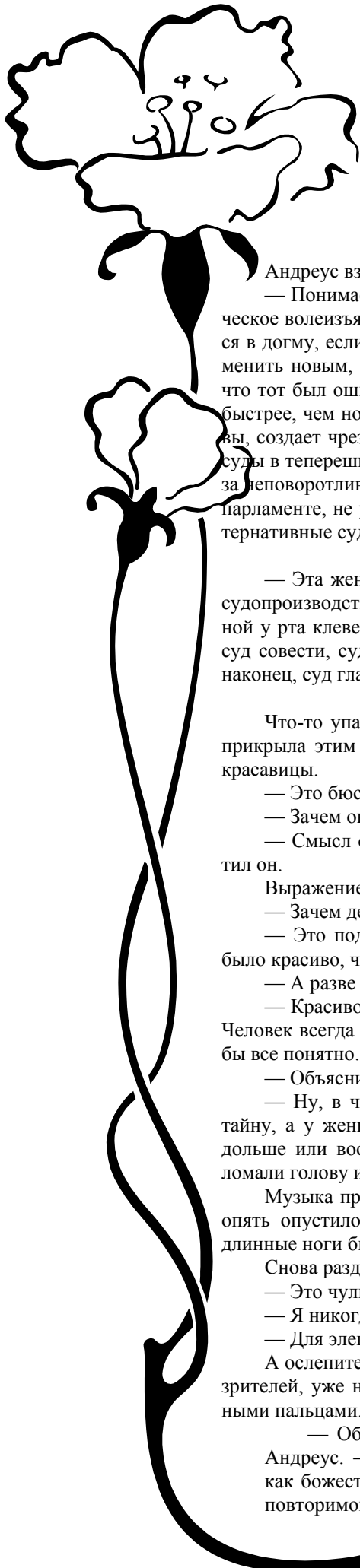
«Пренебрегать доверием, не уважать мораль и достижения общества — самое большое преступление» Закон роботизации номер Двести Пять (повесть «Удачи большого мегаполиса»);

«Смеются все. В жизни примат смеха незыблем и подавляющий. Это абсолютная философская истина» (рассказ «Смех»);

«Абсолютный императив – человек стремится к реализации своего высокого звания и смысла жизни, заранее подходя к черте достойного существования» (рассказ «Утилизатор и Удвоитель»);

1954 г. Автор – второй справа.

СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ...

СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ...

— Андреус взялся за ручку, но открыть дверь повременил.

— Понимаешь, каждый человек, или группа людей имеют право на демократическое волеизъявление. Всякий закон, не успев родиться, уже стареет и превращается в догму, если ему до конца тупо следовать, вовремя не переработать его и не заменить новым, который обязан дополнить старый, или отменить, если выясняется, что тот был ошибочным. А догматизм — это всегда тормоз. Общество развивается быстрее, чем новый закон поспевает родиться. Жизнь вносит постоянные коррективы, создает чрезвычайные ситуации и надо решать все оперативно. А нормативные суды в теперешнем их усеченном виде из-за своей косности в трактовке законов, из-за неповоротливости и запаздывания правильно их воспринимать после выработки в парламенте, не успевают вести дела. Поэтому вкуче им приходится устраивать альтернативные суды.

— Эта женщина втянулась в водоворот греха. Можно гадливо поносить наше судопроизводство смрадными губами трусливых шакалов, но никому не дано с пеной у рта клеветать на нашу Конституцию, потому что есть суд закона, а есть еще суд совести, суд чести и достоинства целой нации, суд рассудка, суд добра и зла, наконец, суд гласа народного! — подал реплику прокурор.

Что-то упало сверху. Девушка, не прекращая движений, грациозно подняла и прикрыла этим грудь. Раздались аплодисменты и первые цветы полетели к ногам красавицы.

— Это бюстгальтер, — шепнул Андреус.

— Зачем он нужен? — испугалась Аппассионата.

— Смысл открывается в самом слове. Чтобы держать высоким бюст, — ответил он.

Выражение ее глаз не изменилось.

— Зачем держать высоким бюст?

— Это поднимает женщину в глазах окружающих, особенно мужчин. Чтобы было красиво, чтобы подчеркнуть стан.

— А разве естественная грудь женщины выглядит некрасиво?

— Красиво, но как бы сказать... — смешался Андреус, — есть какая-то загадка. Человек всегда хотел заглянуть в неизвестное... искал тайный смысл там, где вроде бы все понятно...

— Объясни, пожалуйста.

— Ну, в частности, у мужчин есть стремление нарушить... то есть разгадать тайну, а у женщин — преднамеренно сохранить ее в первозданности как можно дольше или вообще скрыть таким образом, чтобы мужчины терялись, терзались, ломали голову и осознавали ее, как высокую материю.

Музыка продолжалась, а танцовщица без усталости подергивала бедрами. Сверху опять опустилось что-то воздушное, парящее зигзагами. Несколько секунд и ее длинные ноги были обтянуты черной узорчатой сеткой.

Снова раздались аплодисменты.

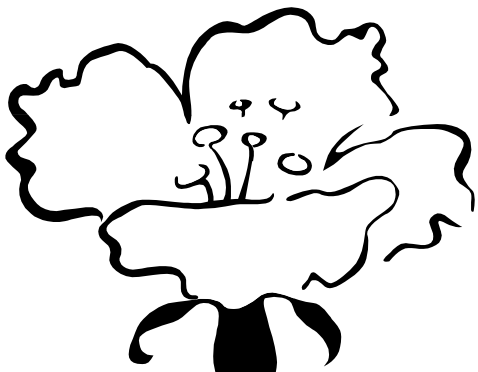
— Это чулки, — прокомментировал Андреус.

— Я никогда в жизни не видела чулки, а они зачем?

— Для элегантности.

А ослепительная блондинка, не прекращая телодвижений под шумные выкрики зрителей, уже натягивала на руки до самых локтей черные мешочки с оттопыренными пальцами.

— Обрати внимание, это перчатки! — со смешанным восторгом сказал Андреус. — Для изысканности. Маленький пусячок, а как облагораживает, как божественно преображает женщину, сказочно делает ее заманчивой и неповторимой!

Главной своей задачей члены УКЛФ (Ухтинского клуба любителей фантастики) считают:

1. Воспитание влюбленности в научную фантастику, как наиболее отличительную особенность всякого уважающего себя интеллектуала.
2. Забыть о социалистическом реализме, как о наиболее вредном, закрепощающем литературном методе.
3. Применять только один наркотик, уносящий в другие миры — это фантастику.
4. Объединяться! Объединяться! Объединяться!

Отпечатано на производственной базе
“Севернипигаз”

Директор Илатовский Ю.В.